

ГЕРМѢЛЪ,

или

можетъ ли добродѣтельная жена на постоянство мужа своего совершенно положиться?

Сочиненіе Г. Арнауда,

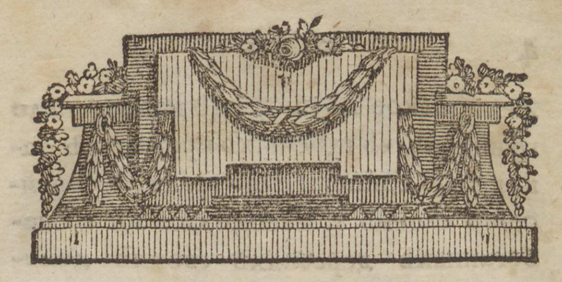
преведено съ Французскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

печатано въ типографіи Брейткопфа,

1783 года.

Провинціальныя города всегда были подвержены презрѣнію и безразсудному посмѣянію негодныхъ и развратныхъ людей, коими къ нещастію городъ Парижъ преизобилуетъ во всякое время. Хотя неоспоримо признаться должно, что общества въ большихъ городахъ видъ гораздо великолѣпнѣйшій являютъ, языкомъ пріятнѣе и съ большимъ совершенствомъ говорятъ, какъ не менѣе и въ поведеніи, модахъ и различномъ великолѣпіи вкусъ имѣютъ наитончайшій, и въ обращеніи свѣта больщимъ снабдѣны познаніемъ, не-

жели такое мѣсто, гдѣ малое число граждан въ тѣсных предѣлахъ заключено единственно токмо о сѣмействѣ своемъ и необходимомъ въ небогатыхъ деревняхъ своихъ домоводствѣ печется, получая отъ оныхъ не рѣдко самое только нужное для себя пропитанїе. Но при всемъ томъ, однакожъ можетъ ли недостатокъ въ сихъ мнимыхъ преимуществахъ, коими Парижъ толь надмѣнно предъ протчими возвышенъ городами, хотя къ малѣйшему для провинцїальнаго города относиться ущербу? Душевныя качества, кои одни лишь на верьхъ достоинства возводятъ человѣка, подвергаютъ великимъ по истиннѣ неудобствамъ отъ злоупотребленїя сихъ многочисленныхъ сообществъ; желанїе, чтобъ во всѣмъ уподобляться другимъ, отвращаетъ отъ насъ собственный нашъ видъ, и наипостояннѣйшая добродѣтель, раздѣлясь почастямъ, ослабѣваетъ и

подвер-

подвергаетъ переменамъ, какъ равно и естественныя способности, последуя законамъ такъ называемыхъ превозходныхъ умовъ, теряютъ во все свою силу. Сколь трудно, находясь въ толь опасномъ мѣстѣ, предохранить сердце свое отъ пагубнаго развращенія, коимъ почти всѣ столичныя заражены города! Какія предстоятъ въ оныхъ человѣку выгоды? Не новыя ли токмо въ жизни прелести, въ знаніяхъ и веселіи приращенія? да и тѣ сколь дорогою покупаемы цѣною! на щетъ истинны и природы; силы душевныя ослабѣваютъ, чувства теряютъ живость, добродѣтель угасаетъ и мы на конецъ отъ многихъ связей и пріумноженія нашихъ нуждъ неисцѣлимой подвергаемся слабости. Человѣкъ мыслящій свободно есть неоспоримо первоначальное изображеніе; человѣкъ же въ большомъ свѣтѣ живущій взятое съ него только подобіе, кое горазо

до слабѣйшими противъ подлинника своего силами снабдено. Одаренъ такими превозходными и рѣдкими качествами поселился Гермѣль въ Парижѣ: не поколебимою пылая къ добродѣтели любовїю, все свое старанїе устремлялъ единственно къ тому, чтобъ во всѣмъ наиточныйше слѣдовать своему долгу, утолять страсти, и участвовать въ забавахъ съ воздержанїемъ; онъ былъ сердца правдиваго, крайне чувствительнаго, и полезными просвѣщенъ знанїями; коротко сказать, имѣлъ все то, что только могло ево здѣлать любви достойнымъ, а къ тому и не малое отъ отца своего получилъ въ наслѣдство имѣнїе торговлею приобрѣтенное. Щастїе сїе усугублялось еще болѣе тѣмъ, что обладалъ сердцемъ прелестной и добродѣтельной жены. Злощастный жребїй, или паче мечта не разлучная богатсва спутница, побудила его посѣтить сей городъ, о

коемъ

коемъ не только Францїя, но и всѣ государства съ немалымъ говорятъ восторгомъ. Прибывъ такимъ образомъ туда съ супругою своею, вскорѣ обольщенъ былъ гибельными того мѣста прелестьми, и вознамѣрился въ ономъ на всегда пребыванїе свое утвердить, положивъ какъ благоразумный человѣкъ участвовать въ забавахъ такъ, чтобъ не расточать своего имѣнїя, и совѣсть отъ угрызенїй друзей предохранить: по чему и возвращался всегда подъ вечеръ домой съ большею къ супругѣ своей горячностїю, нежели когда ее по утру оставлялъ, и исполнялъ долгъ свой съ большею привязанностїю. Лестное супружество сїе укрѣпляемо было двумя дѣтьми, и щастливое состоянїе семейства сего было бы по истиннѣ завистно, когдабъ, находясь по среди легкомыслїя и пороковъ, можно было помышлять о согласномъ и на добродѣтели основанномъ бракѣ. Любезная

Аделгейдъ, говорилъ Гермѣль къ супругѣ своей, Парижъ заслуживаетъ, по мнѣнію моему, преимущество предъ всѣми прочими городами. Тутъ являются по перемѣнно безчисленныя позорища, при всѣмъ томъ однакожъ можно въ семъ множествѣ людей сыскать уединеніе и избирать по желанію своему бесѣды: позорища, гульбища, пиршества, все предлагаетъ намъ новыя и невинныя веселія. Художникъ находитъ здѣсь художества на высочайшей совершенства степени; здѣсь наиученѣйшіе обитаютъ люди, коихъ высокой и проницательный умъ почти до безконечности простирается, и нѣтъ мѣста въ свѣтѣ, гдѣбъ можно болѣе какъ въ знаніяхъ такъ и добродѣтели успѣть, естьли только слѣдовать благоразумію въ выборѣ друзѣй; естьлижъ поступать въ томъ слѣпо и безъ разсужденія, то не трудно ввергнуть себя въ бѣдствіе, кое неминуемо бываетъ

ваетъ отъ сообщества съ худыми людьми. Словомъ сказать, душа моя! Парижъ кажется для меня наипріятнѣйшимъ мѣстомъ и обиталищемъ различныхъ утѣхъ. Но всѣ прелести его не составляли бы ничего для меня, когдабъ тебя толь много обожаемой мною, не было со мной. Всѣ превозходства сего города, въ которой мы теперь переходимъ, ни мало не уменшатъ моей къ тебѣ горячности и того пламени, коимъ сердце мое къ тебѣ пылаетъ; едина смерть лишь властна оныя пресѣчь, я всегда вернымъ тебѣ пребуду супругомъ, на всегда нѣжнымъ твоимъ останусь любовникомъ. Гермѣль! говорила супруга ево съ наинѣжнѣйшимъ чувствіемъ, подтверди еще разъ, что ты меня завсегда будещь любить. Ахъ! Парижъ отьемлетъ у меня часть твоего вкуса и веселія! Я люблю только тебя, и ты для меня предметъ; всѣ мои желанія совоку-

 пляют-

пляются въ тебѣ; здѣсь, въ провинціи, въ концѣ свѣта, въ дикихъ мѣстахъ и по всюду нѣтъ никого для меня, кромѣ Гермѣля, которой одинъ токмо мои взоры устремляетъ на себя и мою душу - - - - Нѣтъ! не опасайся, чтобъ я когда нибудь перемѣнилась, и жаръ мой къ тебѣ охладѣнелъ, но страшусь твоего лишь ко мнѣ непостоянства. О Гермѣль! сколько бы я желала, чтобъ боязнь сія была тщетна! но вѣдая сколь опасенъ городъ сей для полу твоего, и не имѣя ни какихъ въ разсужденіи тебя болѣе заслугъ, кромѣ одной любви, никакъ не могу воздержаться отъ таковаго сомнѣнія. Естьлижъ нещастная та наступитъ минута, когда твой духъ начнетъ колебаться, то воспомни о сихъ бѣдныхъ твореніяхъ, кои своею одолжены намъ жизнію, отецъ для меня будетъ тогда залогомъ въ вѣрности супруга! Ни тотъ ни другой,

гой, говорилъ преисполненны горячностію Гермѣль, цѣлуя жену и дѣтей своихъ, не навлечетъ на себя ни малѣйшей укоризны. И какъ тому статься возможно, чтобъ мысли мои когда нибудь перемѣнились? не на искреннѣйшей ли довѣренности, не на непреоборимомъ ли почтеніи, не на нѣжнѣйшей ли и чистѣйшей любви оныя основаны? Можетъ ли какое веселіе, кромѣ основаннаго на добродѣтели, быть превосходно? и самое воспоминаніе онаго, по довольномъ уже наслажденіи еще великую приноситъ сердцу отраду. Щастіе сіе для человѣка наипревосходнѣйшее, коего намъ ни богатство, ни роскошь, сопровождаемая гнусностію, досадою и угрызаемою совѣстію снискать не въ силахъ. Парижъ не попрепятствуетъ мнѣ ни мало воздержать разсудокъ и сердце свое отъ заблужденій; естьлижъ случай и доведетъ мнѣ обходиться

съ

съ развратными женщинами, то постараюсь предохранить сердце свое отъ поставляемыхъ оными сѣтей. Глаза мои будутъ неусыпною для меня въ томъ стражею.

Гермѣль и непреминулъ сдержать даннаго своего слова. Онъ слѣдовалъ оному со всею строгостію, наслаждался веселіями онаго города, неповреждая нимало тѣмъ чести своей, и не разточая имѣнія своего, хранилъ долгъ любви къ супругѣ и дѣтямъ. Любви достойное его сердце наполнялось благоразуміемъ, кое ни выходя изъ предѣловъ благочинія гнушается пороками, и вся страсть его состояла единственно токмо въ желаніи свято блюсти свой долгъ, которой подлинно не малъ для честнаго человѣка хотящаго себѣ снискать отъ людей почтенія. Большая часть заблужденій, въ кои мы впадаемъ, произходитъ отъ собственнаго на-

шего къ самимъ себѣ равнодушія; когдабъ мы болѣе о себѣ помышляли, тобъ и слабости наши были не столь велики, и добродѣтель меншему была подвержена колебанію. Нѣтъ преступника, которой бы самъ къ себѣ не имѣлъ отвращенія; одинъ лишь только свободной отъ пороковъ человѣкъ находитъ въ самомъ себѣ успокояемую сердцѣ отраду.

Равное самолюбіе составляло и все внутреннѣе Гермѣлево удовольствіе. Онъ завелъ знакомство съ человѣкомъ снабдѣннымъ всѣми достоинствами, какія только можетъ имѣть другъ, коему бы безъ опасенія сердце свое ввѣрить можно было. Блинвалъ, такъ назывался другъ сей, былъ лица прекраснаго и при томъ ума проницательнаго; воспитанъ будучи на большомъ театрѣ свѣта, имѣлъ всѣ пристойные дворянину качества, разсуждалъ

о вещахъ не безъ основанія; каждое слово было чувствіемъ сопровождаемо, и во всѣхъ поступкахъ его являлась пріятность. Но при всемъ томъ имѣлъ сердце коварное, развратное и порокамъ преданное, устремлялъ весь предмѣтъ свой къ роскошамъ, для пріобрѣтенія отваживался на все; разточивъ все имѣніе изыскивалъ разныя средства къ поправленію своихъ обстоятельствъ, по чему и предпринималъ всевозможныя къ тому мѣры, не разбирая ни мало позволительны ли оныя или нѣтъ, и наконецъ учинясь безчувственнымъ слѣдовалъ единственно токмо страстямъ своимъ, и самыя истинны почиталъ предразсужденіемъ. Всѣ сіи толь гнусныя качества однакожъ умѣлъ онъ весьма искусно скрывать подъ видомъ дружества; свѣтъ сей казался для него позорищемъ, въ коемъ неминуемо веселиться и всѣ роли безъ изъятія играть надлежитъ; къ сему присовокуплялось

лось въ немъ еще и пагубное свойство ласкателя. Входя въ какую нибудь бесѣду, первое свое старанїе устремлялъ къ тому, чтобъ вывѣдать свойства всѣхъ находящихся въ оной, и не находилъ для сердца своего успокоенїя, пока не достигнетъ предположенныхъ для себя выгодъ. Гермѣль былъ по мнѣнїю его наиудобнѣйшимъ къ достиженїю своихъ намѣренїй орудїемъ; сей имѣлъ хорошїй достатокъ, но при всемъ томъ и добродѣтельное сердце. По чему непремѣнно и надлежало напередъ развратить сердце, чтобъ его самаго на тотъ путь отвлечь, на коемъ бы отъ него все прошедшее скрыто быть могло. На таковый конецъ и предпринятъ былъ путь веселїй, съ тѣмъ чтобъ его неминуемо въ поставленные уловить сѣти. Успѣхъ однакожъ малою ласкалъ въ семъ надеждою, ибо Гермѣль не въ тѣхъ уже былъ лѣтахъ, кои не престан-

номy

ному подвержены обуреванію страстей, и велЪ жизнь весьма порядочную; но не смотря на то, оставалось все еще нѣчто кЪ бѣдствію его: онЪ имѣлЪ сердце сверхЪ мѣры чувствительное. Основаніе добродѣтели сея весьма легко разрушается отЪ чинимыхЪ коварствомЪ подкоповЪ, и на конецЪ вводитЪ насЪ само вЪ безпорядокЪ на гибельную стезю пороковЪ, коихЪ мы сперьва столь тщательно старались убѣгать. На таковомЪ то основаніи утвердилЪ и сей изЪ всѣхЪ наипрезрительнѣйшей человѣкЪ зловрѣдный свой замыселЪ.

ОнЪ всевозможнѣйше старался снискать кЪ себѣ благосклонность Гермѣля, и сдѣлаться для него такЪ необходимымЪ, чтобЪ онЪ и ни минуты безЪ него жить не могЪ. Первый умыселЪ его разположенЪ былЪ на Адельгейду, чтобЪ не токмо мужа, но сЪ нимЪ купно и

жену

жену погубить. При семъ случаѣ поступалъ однакожъ весьма осторожно. Избѣгая суетныхъ воображенiй, и неослѣпляясь вкусомъ своимъ, вычислялъ каждый предпрiемлемый имъ шагъ; но какъ примѣтилъ, что предпрiятiя его на Адельгейдъ мало подѣйствовать могутъ, то немѣдля пресѣкъ свой замыселъ, не навлекши нималѣйшаго въ супругѣ Гермѣлевой къ себѣ подозрѣнiя; да и можетъ ли воспитанная въ добродѣтели душа помышлять о толь гнусныхъ порокахъ? Самый родъ нынѣшняго съ женскимъ поломъ обращенiя не мало извиняетъ ту въ насъ смѣлость, съ коей мы оному изъясняемся въ любви. Такимъ образомъ Блинвалъ видя не удачу въ ухищренiяхъ своихъ, немедля противную принялъ сторону, и началъ выхвалять всѣхъ женъ ведущихъ благоразумную и степенную жизнь. Адельгейдъ укоряла сама себя неоднократно въ неоснователь-

номъ своемъ подозрѣніи, кое она на него до того и имѣла, и казалось какъ бы раскаеваясь о томъ въ погрѣшности своей прощенія просила; на конецъ, изъявляя къ нему всевозможное почтеніе и довѣренность, благодарила Бога, что низпослалъ супругу ее столь достойнаго друга. Сей принималъ таковыя похвалы со всевозможнымъ притворствомъ, и наслаждаясь почтеніемъ, коего одна добродѣтельная токмо заслуживаетъ душа, внутренно посмѣвался легкомыслію Адельгейды, и изготовлялъ уже въ сердцѣ своемъ ковъ къ достойному ее за то наказанію.

Гермѣль любилъ отдѣленныя и глубокомысленныя бесѣды; но самое сіе глубокомысліе, кое ни къ чему болѣе не служитъ, кромѣ заблужденія нашихъ мыслей, раждаетъ въ насъ сомнѣніе, и по толь многотрудныхъ размышленіяхъ не

остается

остается для насъ ничего, окромѣ одной неизвѣстности. Блинваль, зная довольно слабость друга своего, не преминулъ столь удобнымъ возпользоваться случаемъ: по чему и вводилъ его всегда въ свойственныя склонности его бесѣды. Случилось нѣкогда, что друзьямъ его вздумалось разсуждать о веселїи, дабы узнать, изъ какихъ оное вещей по природѣ своей существуетъ: тутъ то былъ слышанъ голосъ сего коварнаго льстеца, которой паденїю невинности всеконечную прїуготовляль погибель. Веселїе, говорилъ онъ, единая есть сила и душа движущая всемъ. Обозрѣвая бесчисленныя сїи окружающїя насъ творенїя, не одно ли токмо сїе веселїе въ нихъ находимъ, кое ихъ живитъ, поддерживаетъ и совокупляетъ: мы оберегаемся, чтобъ недопускать чувства нашего къ сообщенїю съ мыслями; но сїи нерѣдко не иное что суть, какъ одна безъосновательная

въ насъ раждающаяся мечта, или введенный токмо обычай. Чувства же и побужденіе къ веселіямъ самой природою намъ вліянны, и непреоборимою своею силою поддерживая ополчаютъ насъ противъ суровости и неистовства тиранновъ, и избавляютъ отъ несноснаго ига, въ кое мы отъ множества разныхъ предразсужденій впадаемъ. Жертва, коей бесѣды требовать могутъ, состоитъ въ одномъ только поведеніи на благочиніи основанномъ, въ коемъ вообще всѣ между собою сходствовать должны. Поступая такимъ образомъ съ осторожностію, исполняемъ долгъ свой; а съ онымъ купно и желанія удовлетворяемъ. – Какъ! пресѣкъ рѣчь его Гермѣль, вы не почитаете того веселія отраднымъ, кое мы, дѣлая добро, въ сердцѣ своемъ ощущаемъ? для меняжъ, какое это услажденіе! когда могу нещастному помочь, никакихъ совѣсти угрызеній не ощущаю,

клятвы и долгъ мой ревностно исполняю, вѣрность къ супругѣ своей храню, дѣтямъ моимъ полезными руководствую наставленїями, и пекусь какъ о здоровьѣ, такъ п о щастїи ихъ . . . . Не ужъ ли все сїе, другъ мой! одна токмо надмѣнная мечта? - Мысли не участвуютъ ни мало въ семъ мнимомъ нашемъ удовольствїи, а въ оныхъ открывается одна лишь токмо дѣйствующая въ насъ природа, какъ напримѣръ: то веселїе, кое мы, удостоясь снискать къ себѣ благосклонность какой нибудь красавицы, ощущаемъ, сколь различествуетъ отъ того, коимъ вы себя въ мнимомъ своемъ удовольствїи ласкаете; нѣтъ! Гермѣлъ, не столь легко обмануть меня. Супруга твоя сколь ни любви достойна, тѣхъ прелестей однакожъ въ себѣ не имѣетъ, коихъ разнообразной новости мы мущины никакъ противиться не въ силахъ. Признайся, откровенно говоря, ощу-

 щаешь

щаешь ли ты теперь ту сладость и пламень въ женѣ своей, коимъ въ первыхъ дняхъ супружества твоего къ ней пылалъ? Ты говоришь истинну, отвѣтствовалъ Гермѣль, но сїе произходитъ отъ того, что жаръ и чувства мои уже не столь велики. Но вмѣсто того, утушивъ тотъ безразсудный пламень, наслаждаюсь гораздо превозходнѣйшимъ теперь щастїемъ. Обожая жену мою, нахожу въ ней купно и друга: она учинила бытїе мое безконечнымъ, произведя на свѣтъ дѣтей, въ коихъ какъ мы, такъ и добродѣтели наши возрастаютъ. Коль велико услажденїе сїе, когда двѣ души, сообщая взаимныя другъ другу чувства, совокупляются въ едино! и сколь то, другъ мой, возхитительно, когда два человѣка имѣютъ одну токмо душу, одно сердце и одну волю: смѣхъ и плачь, радость и горе раздѣляютъ равно между собою, и только одинъ для другаго живутъ!

вутъ! Какое блаженство отъ таковаго союза! Вотъ, Блинваль, сколь велико щастїе женатыхъ людѣй, кое и я теперь во всемъ совершенствѣ ощущаю. - Государь мой! вы меня при всемъ своемъ разсудкѣ ни мало не поняли. Кто препятствуетъ наслаждаться вамъ щастїемъ симъ, о коемъ вы мнѣ столь рѣдкое учинили описанїе? я самъ признаюсь, что таковое наслажденїе для сердецъ токмо добродѣтельныхъ сотворено; но не находится ли довольно средствъ, ко прїумноженїю сего толь малаго числа вашихъ веселїй? или вы думаете ощутить какую нибудь отъ того потерю, когда вѣрность къ супругѣ своей не столь строго будете хранить, какъ то древнїе рыцари въ разсужденїи любовницъ своихъ дѣлывали. Человѣкъ рожденъ для перемѣнъ; одинакаяжъ каждой день пища, одинакїе позорища и одинакїя воображенїя наносятъ весьма

великую скуку и отвращенїе. Кто можетъ сказать, чтобъ прелѣсти Адельгейды въ глазахъ вашихъ цѣну свою потеряли, когда вы нѣсколько умѣрите строгїе свои въ разсужденїи ее мысли? Гермѣль! тыбъ негодился быть Мусульманномъ, хотя подлинно сераль и немалыя въ себѣ преимущества имѣетъ. Бѣдный насадитель! Ты избираешь для себя одно только растѣнїе, когда напротивъ того я, или паче всѣ здраваго разсудка люди, насаждаютъ сады свои различными цвѣтами: непреоборимымъ служитъ для насъ въ семъ примѣромъ воробей, которой первѣйшее между философами заступаетъ мѣсто. И не великое ли это безумїе! угнѣтать стремленїе своея природы, въ чемъ подлинно немалаго обвиненїя достоинъ тотъ, кѣмъ отвратительное сїе выдумано супружество.

Большая часть времени проходила въ толь опасныхъ разговорахъ, основанныхъ на ужаснѣйшихъ правилахъ, или паче безосновательныхъ и одною токмо шуткою покрываемыхъ. Не проходило почти ни минуты, чтобъ Блинвалъ не наполнялъ сїю душу отравою, коя себя ему совершенно предавъ, никакихъ противъ злоумышленїя его сопротивленїй не имѣла. Вѣроломный другъ сей умѣлъ лицу своему различный, и смотря по времени, пристойный давать видъ. Еще въ самомъ началѣ примѣчено нами, что Гермѣль былъ богатъ; Блинваль же, расточивъ все отца своего имѣнїе, искалъ для себя жертвы къ поправленїю своихъ обстоятельствъ. Но какъ непоколебимая добродѣтель Гермѣлева, коего онъ тою для себя предположилъ жертвою, не великимъ въ предпрїятїяхъ его успѣхомъ ласкала, то неминуемо надлежало его съ оною разлучить,

чить, и природѣ его совсѣмъ иное дать бытїе. По чему лукавецъ сей со всевозможною хитростїю разставилъ сѣти къ уловленїю его, въ твердой надеждѣ, что мнимая попадетъ въ оныя добыча. Онъ обѣщалъ одной женщинѣ, во всѣхъ равныхъ съ нимъ качествѣ, желаемаго въ семъ предпрїятїи, въ коемъ и оная соучаствовала, достигнуть успѣха.

Госпожа Церинъянъ, такъ называлась сїя молодая вдова, одарена была отъ природы великими прелестями, кои ей не мало способствовали къ достиженїю желаемыхъ успѣховъ. На лицѣ ея являлась искренность: большїя черныя глаза, довольно въ любовныхъ уловкахъ испытанныя, имѣли въ себѣ нѣчто притягательное; при превозходной бѣлизнѣ тѣла имѣла уста раскошнымъ дышущїя пламенемъ; прекрасныя волосы и пленяющїй голосъ, приводящїй сердце въ немалое смятенїе, кое

уму непостижимо, а сердцѣмъ только ощущаемо быть можетъ: вольноежъ протяженіе сего голоса исполнено было любовнаго пламени. Она жаловалась ежечасно на добродѣтельное свое сердце, и приписывала оному все свое нещастіе. Вступя съ господиномъ Цериньяномъ въ супружество по особливой къ нему любьви, предпочла его наиботатѣйшимъ людямъ, кои старались ее въ супружествѣ своемъ имѣть. Сей однакожъ не уважая того преимущества, коимъ она его протчимъ предпочла, поступалъ съ нею весьма худо: на что все не взирая печалилась она о потерѣ его, заклинала на всегда супружество, но при всемъ томъ утверждала, что нѣтъ большаго щастія, кромѣ любьви, для толь чувствительнаго сердца, каково ее, хотя для нее и не малаго казалось труда, сыскать по вкусу своему предмѣтъ, которой бы соотвѣтствовалъ во всемъ чув-

ствiямъ ея и пламени. Она не находила для себя человѣка, которой бы заслуживалъ ея любовь; одна природа моглабъ только произвести для нее созданiе подобное Сильфамъ, кое бы она для одного увеселенiя любить могла. Одно сiе средство могло бы опять возбудить въ ней чувства любви. Таковаго роду любовникъ безъ достатка, и уединенiе, кое бы она съ онымъ раздѣляла, составляли все ее блаженство; ко всѣмъ симъ совершенствамъ надлежитъ присовокупить и то, что упражнялась немало въ чтенiи новѣйшихъ книгъ, и съ отмѣннымъ умѣла превозходствомъ пѣть. Она играла извѣстныя въ трагедiяхъ роли, имѣла гибкiя члены и прiятной станъ, словомъ сказать, одарена была всевозможными прелестями. Къ дополненiю сего гибельнаго совершенства имѣла только еще девятнатцать лѣтъ отъ роду. Тайная молва неслась объ ней по всюду,

что будто бы она сама виною преждевременной мужа своего смерти, коего она столь неутѣшно оплакивала: симъ самымъ сталъ для нее свѣтъ ненавистнымъ, которой она оставляя, навсегдашнимъ для себя убѣжищемъ пріуготовила монастырь.

Въ сіе самое время свелъ Гермѣль знакомство съ гнусною сею женщиною. Онъ пошелъ прогуливаться съ Блинвалемъ на нѣсколько миль за городъ, хотя насладиться въ отдаленномъ лѣску дружествомъ и пріятностію уединенія, гдѣ сердце глубокими и печальными наполняется воображеніями. Красота нигдѣ столь опасна не бываетъ, какъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она болѣе природою украшаема является. Разсѣяніе кустовъ, смятеніе производимое въ насъ пріятною тѣнью, суть не иное что, какъ западня, коею наши мысли уловляются. Басни, сотвѣтствующія не рѣдко дѣствіямъ человѣ-

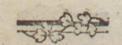
человѣческимъ, повѣствуютъ, что любовь по большой части въ сельскихъ и уединенныхъ торжествуетъ мѣстахъ. Вакхъ тронутъ бы менѣе былъ прелестями Аріадны, когдабъ не въ уединенномъ нашелъ ее мѣстѣ. Равно и Діана при ночной тѣни влюбилась въ Ендиміона.

Такимъ образомъ Гермѣль и Блинваль достигли сего мѣста, къ коему сходбище умышленно послѣднимъ пріуготовлено было. Между тѣмъ произходила рѣчь о пріятномъ чувствіи и возхитительныхъ прелѣстяхъ толь превозходнаго надъ нами пола, коему мы совсѣмъ не въ силахъ сопротивляться. Вдругъ представилась Гермѣлевымъ очамъ юная красавица, точно въ такомъ видѣ, какъ описываютъ стихотворцы Богиню любви; ни въ одной нѣтъ женщинѣ толикихъ прелестей, коими тогда преизобиловала Церинъянъ, ибо она это сама была. Естественственен-

ственныя прелести ея увеличивались паче пріятнымЪ положеніемЪ, вЪ коемЪ она тогда была, лежа на дернѢ цвѢтами пріятно украшенномЪ. Во время баснословія можно бы было почесть ее за Богиню цвѢтовЪ обитающую посреди царства своего. Стройная ее нога не совсѢмЪ была покрыта; волосы разпростирались по бѢлой шеѢ; повсюду являлась вЪ ней природа, и самое ея простое одѢяніе придавало лишь большую красоту. Сердце ея пріуготовленное кЪ обману скрывало ковЪ свой подЪ видомЪ благочестія: держа книгу вЪ рукахЪ, испускала слезы и притворилася будтобЪ не видитЪ идущихЪ. При перьвомЪ же словѢ Блинваля подняла свою голову и предстала во всей своей прелести. Коликой ударЪ поразилЪ тогда ГермѢля! огнь, быстротою своею и молнію превозходящій, разлился по сердцу его, и онЪ едва могЪ опамятоваться. Книга сія, думать должно,

но, весьма жалостна, говорилъ Блинваль, когда толь прекрасныя раждаетъ слезы! безъ сомнѣнія, отвѣтствовала она на то; плѣнивъ совершенно голосомъ своимъ бѣднаго Гермѣля. Не возможно, чтобъ соболѣзнуя о нещастіи Клевенской Княжны не плакать: сердце ее нѣжности и чувствія исполнено, и любовь борется съ добродѣтелью. О! коль бѣдственное состояніе сіе, кое заставляетъ насъ ополчаться ежечасно противъ собственнаго своего сердца!

Во время продолженія сихъ разговоровъ не упустила госпожа Цериньянъ изъявить быстраго и проницательнаго своего ума. Потомъ вставъ съ мѣста своего, подала удобный присудствующимъ случай къ обозрѣнію прекраснаго своего тѣлоположенія. Гермѣль спровѣдалъ, что она не подалеку отъ сего мѣста имѣла мызу; Блинваль рекомендовалъ ей своего пріятеля,

теля, и она пригласила ихъ обѣихъ въ философскую свою хижину, называя жилище свое такимъ наименованіемъ. Храмъ сей не недостоинъ былъ Богини сея, гдѣ роскошь съ немалымъ искусствомъ подъ видомъ всевозможной скрывалась простоты. Хозяйка дому сего вела себя такъ, что во всѣхъ ея поступкахъ ничего кромѣ благородства и благочинія не показывалось, и извинялась ежечасно въ худомъ гостей своихъ угощеніи, ссылаясь въ томъ на вдовье состояніе, умѣренный достатокъ и на ощущаемое ею къ обращенію съ свѣтомъ отвращеніе, кое ее единственно и побудило удалясь отъ города жить въ уединеніи семъ. Намъ должно, говорила она, сколько возможно сообразоваться съ чувствіями своими; по чему и я, находя сердце свое совсѣмъ отличнымъ противъ прочихъ, должна попечительно предохранять оное отъ сообщенія съ другими. Здѣсь я сама собою доволь-

на и не малую ощущаю отъ того отраду, что могу, не завися ни отъ кого, бесѣдовать сама съ собою въ пріятномъ семъ уединеніи. Словомъ сказать, здѣсь я безопасна отъ нарушенія клятвъ и неблагодарности людей, и проводя все время въ однихъ токмо размышленіяхъ, даю свободное мыслямъ моимъ по волѣ стремленіе. Всякъ можетъ подлинно видѣть, что во всѣхъ сихъ рѣчахъ ничего нѣтъ кромѣ безпутнаго и пустаго выраженія, коими почти всѣхъ таковаго роду женщинъ уста наполнены; и нѣтъ ничего опаснѣе для мущинъ, какъ женщина, коя сама выхваляетъ свои добродѣтели, уединеніе и ощущаемое ею къ свѣту отвращеніе.

Сердце Гермѣлево напоялось не мало отравою сею: а Блинваль примѣчалъ неусыпно за всѣми онаго движеніями. Наконецъ, оставя то мѣсто, возвратились они опять въ Парижъ.

Вѣроломный другъ сей сообщилъ ему разныя объ оной женщинѣ вѣсти, способствовавшія къ немалому въ предпріятіяхъ его успѣху. Онъ говорилъ, что знаетъ ее уже нѣсколько лѣтъ, и почитая толь много разумъ ее, рѣдко имѣетъ случай видѣться съ нею, по причинѣ уединенной ея жизни. Истощевая неисчетныя на нее похвалы, не находилъ въ свѣтѣ женщины толь рѣдкихъ совершенствъ, и вознамѣрился по прибытіи ее въ Парижъ познакомить съ Гермѣлевой супругою, коей столь достойная собесѣдница отмѣнное принесетъ удовольствіе.

Гермѣль увѣдомилъ немѣдля жену свою о новопріобрѣтенномъ дружествѣ. Чистая и непорочная душа никакому неподвержена ревнованію. Адельгейдъ, любя только одного своего мужа и дѣтей, ненаходила инаго въ свѣтѣ для себя пред-

мѣта, то могла ли она сомнѣваться, чтобъ и Гермѣль не соотвѣтствовалъ ея мыслямъ? Все щастїе ее основывалось на одномъ только супружествѣ: добродѣтельная жена сноситъ охотно и самое наитяжчайшее онаго бремя; одно успокоенїе сердца составляетъ все ея блаженство. О коль великихъ прїятсвъ наполнена толь надмѣнная любовь! Любовь сїя питаемая дружбою и почтенїемъ, возрастаетъ съ одного дня на другой, и съ часу на часъ укрѣпляясь, неизреченныя съ собою приноситъ услажденїя. Таковымъ союзомъ сопряжена была и Адельгейда съ супругомъ своимъ, коихъ благополучїе съ каждымъ возрастало днемъ. Мужъ ея раздѣлялъ съ нею равно сїи радости и въ самомъ еще Парижѣ, но только уже не столько прилѣплялся къ своему дому, и возвращаясь къ семейству своему уже меньше оказывалъ радости въ свиданїи съ онымъ.

онымъ. На всѣ сїи перемѣны, коихъ Гермѣль не примѣчалъ за собою, взиралъ Блинваль съ немалымъ удовольствїемъ; между тѣмъ посѣщала Цериньянъ весьма прилѣжно Гермѣлеву супругу, которая соотвѣтствуя желанїямъ мужа своего всевозможную оказывала ей честь, хотя въ сердцѣ и противно со всѣмъ разположена была къ ней. Женщины имѣютъ подлинно немалый отъ природы даръ, коимъ они другъ друга познаютъ; ибо сколько Цериньянъ ни прибѣгала къ коварствамъ, но ничто однакожъ не могло скрыться отъ проницательнаго ока Адельгейды. Влиянная ей отъ природы крѣпость сопротивлялась всѣмъ ласкательствамъ, сколько та развратная женщина ни старалась оныя украсить. Читатель и безъ напоминовенїя моего легко можетъ усмотрѣть, что Блинваль и Цериньянъ уже долгое время тайное между собою сообщенїе имѣли: равенство во вкусѣ и

порокахъ совокупляло сердца ихъ вмѣстѣ. Одинъ знаменитый мужъ утверждаетъ, что и развратнымъ людямъ надлежитъ друзьями быть: необходимость замысла поддерживаетъ ихъ союзъ, въ коемъ не уступая и самому истинному дружеству, пребываютъ непоколебимы.

Учинивъ между собою заговоръ къ бѣдствію Гермѣля, съ нетерпѣніемъ ожидали минуты назначенной къ погибели его, къ которой собственная сего нещастнаго влекла слѣпота. Адельгейдъ, чувствуя уже и сама столь усилившееся бѣдствіе, преодолѣла себя наконецъ и открылась мужу своему. Другъ мой! говорила она, простите мнѣ смѣлость сію, которую я отваживаю теперь противъ васъ: но опасаясь нарушить вашу ко мнѣ довѣренность, не могу долѣе молчать. Не возможно, дражайшій супругъ! разлучить довѣренности отъ истинной

тинной любви. И сколь бы я желала сама, чтобъ колеблющія меня мысли совсѣмъ были несправедливы. - Но нѣтъ! я чувствую, что любовь ваша и довѣренность ко мнѣ умалились, и вы обходитесь со мною съ меньшею противъ прежняго горячностію. Нѣтъ уже тѣхъ времянъ, въ кои единое слово и единый взглядъ все сердце мое восхищеніемъ наполняли. Дѣтей бросающихся въ ваши объятія вы не съ толикимъ уже обемлете жаромъ, и я не рѣдко во слезахъ примѣчаю, что и самыя ихъ невинныя ласки вамъ противны. Бѣдствіе наше отъ насъ не далеко, естьли любовь ваша къ намъ еще хотя чуть охладѣнеетъ. Мы всѣ, какъ я такъ и дѣти, обожаемъ тебя. - Прости дѣйствія сего въ моемъ сердцѣ чувствія; признаюсь, что несправедливо съ вами поступила; одна я во всемъ виною - - Но вижу, что ты плачешъ. Ахъ дражайшій! я припадаю къ ногамъ

твоимъ, стыжусь, что несправедливо на тебя подозрѣвала. Едина любовь причиною тому, коею ты къ намъ обязанъ, и безъ коей сердца наши никакого не могутъ имѣть успокоенія.

Гермѣль поднимая жену свою обнималъ ее и со слезами говорилъ: Нѣтъ, дражайшая супруга! нестрашись моей къ тебѣ невѣрности, любовь моя никогда не уменьшится къ тебѣ; потомъ обратясь къ дѣтямъ своимъ и обнимая оныхъ со всею родительскою горячностію, продосжалъ рѣчь свою: невинныя сіи творенія будутъ всегдашнимъ для меня напоминовеніемъ въ соблюденіи моего долгу, какъ къ нимъ, такъ и матери ихъ. Будь увѣрена, я постараюсь сердце свое наистрожайше испытать, и когда въ немъ хотя малѣйшее чувствіе . . . . Но тому быть со всѣмъ не можно – всѣ чувства мои устремлены къ одной

только

только Адельгейдѣ, и къ однимъ только дѣтямъ моимъ.

Послѣднія сіи слова произнесъ Гермѣль со смятеніемъ, въ коемъ внутреннѣе сердца его безпокойствіе открывалось. Пошедъ въ кабинетъ съ нетерпѣніемъ пережидалъ той минуты, чтобъ быть съ самимъ собою на единѣ. Наконецъ изыскавъ удобной къ тому случай, заперъ двери, и сѣвъ за столъ вопрошалъ себя самъ со всею искренностію о разположеніяхъ сердца своего: таковая искренность прогоняетъ удобно всѣ слабости наши. Но въ какое пришелъ бѣшенство, какъ увидѣлъ себя близь ужаснѣйшей пропасти стояща. - И такъ я долженъ себя укорять! - любовь моя къ женѣ и дѣтямъ уменшается - сердцемъ моимъ будетъ уже иная обладать - Цериньянъ, а не Адельгейда - и я ее буду любить? - Но неужели не могу имѣть того удо-

вольствія, чтобъ ее видѣть? пользоваться пріятнымъ ее обхожденіемъ, и чтить ее прелести, ненарушая тѣмъ ни мало долгу моего? Ахъ Гермѣль — Гермѣль! не уже ли ты думаешь самъ предъ собою притворяться? Нѣтъ! ты уже не тотъ Гермѣль, каковъ былъ прежде. Страшись пагубныя сея склонности, коя тебя къ сей женщинѣ влечетъ! я не наслаждаюсь уже болѣе тою тишиною и тѣмъ пріятнымъ добродѣтели успокоеніемъ; довольно доказательствъ сихъ въ преступленіи моемъ, и нѣтъ никакого въ томъ болѣе сомнѣнія. Потомъ вскочивъ съ досадою на самаго себя говорилъ: теперь я твердо предприялъ убѣгать угрожаемаго мнѣ бѣдствія; престану ласкать толь гибельной слабости, и вооруживъ себя прерву всѣ возложенныя на меня оною оковы. Долженъ, конечно долженъ Цериньянъ устребить изъ мыслей своихъ. Жертва сія сколь ни

велика

велика для меня, но къ спокойствію моему необходима: сама добродѣтель того требуетъ. Добродѣтельный мужъ, давая клятвы въ вѣрности и постоянствѣ, никакихъ не имѣетъ отличныхъ противу добродѣтельной жены правъ. Честь и законъ возлагаютъ на него съ равною строгостію исполненіе должностей. Но естьли и все сіе не тронетъ меня, то могуль я быть равнодушенъ къ Адельгейдѣ, давъ ей непринужденную клятву единожды на всегда, чтобъ любить ее съ непоколебимою вѣрностію? и не достойна ли она той любви? Не тѣ ли самыя прелести въ ней еще и теперь, кои совокупили меня съ нею на всю жизнь? Не мать ли она дражайшихъ моихъ дѣтей? что тѣ скажутъ, когда узнаютъ, что я столько мать ихъ огорчалъ! какимъ я буду для нихъ примѣромъ! и почтутъ ли они меня за отца своего и за супруга толь любвидостойнѣйшей

шей матери? Немѣшкавъ пойду, сыщу друга моего и открою ему все свое сердце. -

При сихъ словахъ вошелъ Блинвалъ въ горницу и засталъ его въ крайнемъ смущенїи. Что вамъ здѣлалось? говорилъ онъ; состоянїе ваше меня весьма ужасаетъ и не малое причиняетъ сердцу моему безпокойствїе. Я откроюсь вамъ во всемъ, отвѣтствовалъ Гермѣль - мы здѣсь одни и никто насъ не услышитъ. Причина смятенїя сего, въ коемъ вы меня видите, не малое причинитъ въ васъ удивленїе - Я испытывалъ сердце мое съ давнаго времени уже не малому подвергнутое обману . . . . Госпожа Цериньянъ! . . Что Цериньянъ? доканчивайте свою рѣчь - Другъ мой! она любви достойна, весьма достойна оной, и я не нахожу инаго средства ко спасенїю своему, кромѣ бѣгства - Что вы говорите? - Такъ, я положилъ

и

и наималѣйшее о пріятельницѣ вашей воспоминаніе истребить изъ мыслей своихъ: правда, сіе не малаго для меня будетъ стоять труда; но собственная моя честь, благополучіе жены и дѣтей моихъ неминуемо сего отъ меня требуютъ. И такъ я прошу тебя, Блинваль, принять на себя стараніе, изыскать средство къ удаленію ее отъ всякаго какъ со мною такъ и женой моею свиданія. - Послушай! Гермѣль, дѣло такое требуетъ осторожности; въ противномъ же случаѣ ты подвергнешь себя немалому отчету. Время перемѣнитъ все, и ты мало по малу примирясь со своею женою успокоишься и самъ: но мнѣ весьма странно кажется, что ты настолько слабъ къ обращенію съ красавицами. Развѣ ты примѣтилъ въ Цериньянѣ какой нибудь поступокъ, которой бы несоотвѣтствовалъ благопристойности? Нѣтъ Блинваль, отвѣтствовалъ нещастный, сего утвер-

утверждать я не могу; но знакомство съ толь прекрасною женщиною, любовь, прелести не малымъ служатъ для насъ мущинъ искушенїемъ, коему мы совсѣмъ непримѣтно вдаемся. - Ахъ, другъ мой! не пристойно бы было для меня такое преступленїе. Я люблю только жену и дѣтей, а окромѣ ихъ никого. Увѣренъ будучи совершенно о добродушїи вашемъ, ввѣряя вамъ все свое сердце, и надѣюсь, что вы какъ благоразумный человѣкъ въ семъ дѣлѣ со всевозможнымъ поступите разсудкомъ.

Блинваль радовался сердечно таковому признанїю, видя, что сердце Гермѣлево свободный страстямъ путь отверзло, и что онъ уже не могъ сопротивляться влїянной имъ въ сердце его съ толикимъ трудомъ склонности. Словомъ сказать, Гермѣль былъ совершенною для него жертвою. Между тѣмъ

положено было условіе, чтобъ госпожу Цериньянъ уговорить къ не столь частымъ посѣщеніямъ; которая освѣдомившись чрезъ друга своего о совершенной побѣдѣ своей, немедля вознамѣрилась споспѣшествовать и всеконечному Гермѣля паденію. Теперь то откроются глазамъ нашимъ всѣ тайности гибельнаго притворства, или паче вредящаго чародѣйства!

Коварная вдова сія притворилась съ нѣкотораго времени больною, давъ тѣмъ красотѣ своей случай къ новому приращенію; изображенная на лицѣ ея печаль раждала лишь большія въ ней прелѣсти: сожалѣніе, къ коему насъ таковая привлекаетъ красота, есть наиострѣйшая любьви стрѣла. Гермѣль не забывая долгу человѣчества и соболѣзнованія, обходился съ Цериньянъ со всякою учтивостію и ласками. Однимъ вечеромъ пришедъ къ

ней

ней засталъ ее держащую въ рукахъ письмо, кое она при входѣ его немѣдля разорвала. На таковое дѣйствїе не могъ Гермѣль смотрѣть равнодушно; что она примѣтя, слугѣ своему тотчасъ велѣла выпти. Поступокъ сей, государь мой! говорила она, васъ, какъ думаю, удивляетъ не мало. Какое признанїе должна я вамъ учинить? и не уже ли еще нужно изъясненїе о настоящемъ сердца моего расположенїи, когда уже смущенное мое лицо то довольно доказываетъ? — теперь лишь писала я къ вамъ — Ко мнѣ, милостивая государыня? — Такъ; конечно къ вамъ самимъ. Легкомыслїе мое въ томъ причиною и я было едва не нарушила благопристойности; проступокъ сей однакожъ поправленъ. Вамъ извѣстно, сколь я въ сердцѣ своемъ воздержна, но не знаю какое въ сїю минуту обладаетъ мною смятенїе; ахъ Гермѣль! я достойна вашего сожалѣнїя.

При

При сихъ послѣднихъ словахъ, съ жалостнымъ голосомъ произнесенныхъ, текли изъ глазъ ея слезы, кои она старалася удерживать. — О Боже! вы плачете! — Ахъ! государь мой, сїе являетъ еще не всѣ знаки сокрушеннаго моего сердца, и я со всѣмъ не предвижу конца бѣдствїямъ моимъ! — По что должна была я съ вами спознаться! Блинваль! Блинваль! при имени семъ пребывъ нѣскол ко времени въ молчанїи, продолжала съ жалостїю рѣчь свою: судьба возбраняетъ намъ другъ друга видѣть — вы женаты, и я ненамѣрена вашею любовью нарушать спокойствїя своего. Добродѣтель одерживаетъ побѣду только тамъ, гдѣ никакой не предстоитъ для нее опасности. Гермѣль стоя неподвижно, ощущалъ великое въ сердцѣ своемъ возмущенїе, и не зналъ что начать: Цериньянъ же весьма радовалась тому, видя такую въ мысляхъ его нерѣшимость, удалиться

ли ему отъ нее или изъясняться въ любви, о коей онъ столь легко изъ словъ ея догадываться могъ. Государь мой, говорила обманщица сія, добродѣтельная женщина не должна скрывать отъ себя слабостей своихъ, но паче входя въ оныя со всею подробностію, стараться отъ себя удалить. Увѣренна столь много въ честности вашей, отваживаюсь безъ стыда открыть вамъ сердце свое – Вы видите коль примѣтно ослабѣваютъ силы мои; жизненные соки всѣ высыхаютъ, и одна смерть лишь остается къ пресѣченію сего ужаснаго позорища – Прошу вашего только вспоможенія въ преодолѣніи нещастной любви моей. Сего изъясненія для васъ довольно; почитая супругу вашу, и зная долгъ свой и вашъ, не нахожу инаго для себя прибѣжища, какъ ко всегдашней съ вами разлукѣ. Теперь вы понимаете меня, и видите все, что бы я еще сказать могла.

Разговорѣ сей пресѣченѣ былѣ внезапнымѣ Блинваля приходомѣ, которой сверьхѣ обыкновенія о приходѣ своемѣ доложить велѣлѣ. Вошедѣ вѣ горницу удивлялся крайне такому произшествію, хотя уже и напередѣ обо всѣмѣ былѣ извѣстенѣ. Цериньянѣ отѣ возбужденія страстей своихѣ вѣ великомѣ была безпорядкѣ, а Гермѣль при великихѣ терзаніяхѣ духа, казалось, что уже самѣ вѣ себѣ болѣе не властенѣ. Блинваль изъявляя во всемѣ происходимомѣ не малый ужасѣ, пребылѣ все время вѣ глубокомѣ молчаніи, пока наконецѣ Цериньянѣ изо всей силы кѣ нему кричала: Вы кѣ стати пришли, Блинваль! общественнымѣ нашимѣ будучи другомѣ, разберите состояніе наше. Вамѣ извѣстно, что я только одна сердцемѣ своимѣ управляю, и что едина вольность всѣ мои составляетѣ желанія — Скажите, не великой ли бы претерпѣли оныя ущербѣ, когдабѣ

я захотѣла безразсудно навязаться человѣку, отъ обращенія съ коимъ неминуемобъ преступила долгъ благочинія? и вотъ онъ самъ, показуя на Гермѣля, коего подъ тѣмъ разумѣю.

Гермѣль прервавъ рѣчь ея говорилъ: Сударыня! признаюсь, что люблю васъ, и что любовь сія къ вамъ съ каждымъ днемъ возрастаетъ въ сердцѣ моемъ – чувствую, колико разсудокъ отвлекаетъ меня отъ обращенія съ вами, и знаю, что мнѣ бы перьвому надлежало вамъ дать въ томъ примѣръ; но не нахожу со всѣмъ никакой для себя къ тому возможности - Стократно желаю лучше предъ вашими умереть глазами, нежели удалиться, и лишиться столь пріятнаго съ вами обхожденія. И когда противная судьба претитъ въ любви намъ наслаждаться, то попщимся хранить долгъ одного хотя дружества. – И въ самомъ

дѣлѣ, сїе прекрасно! говорилъ гнусный Блинваль. Такое условїе не безъосновательно: пребудте неразлучны безцѣннымъ чувствїемъ наполненные сердца! Вы сотворены одинъ токмо для другаго! Предайтесь въ объятїя непрерывнаго дружества; оное не мѣнѣе любви усладительно. Яжъ неусыпно испытывая чувства ваши, не попущу къ нарушенїю толь святѣйшаго залога, и примѣтивъ наималѣйшую въ сердцахъ вашихъ непозволительную страсть, отъ коей вы теперь отрекаетесь, и которую вы еще при рожденїи вашемъ должны были изтреблять изъ мыслей своихъ, непремину рушить знакомства вашего невозвратною на всегда разлукою. Положитесь во всемъ на меня — я неутомимымъ пребуду охранителемъ вашимъ. — Другъ мой повиненъ хранить клятву супругѣ своей; а вы, сударыня, женщина просвѣщенная! можете не безъ достоинства на-

 слаж-

слаждаться дружествомъ, безъ всякой для сердца вашего укоризны. Гермѣль въ себѣ хотя и не властенъ, но сїе однакожъ ни къ малѣйшему для него предъосужденїю относиться не будетъ, когда достоинствамъ вашимъ должную явить справедливость. Супруга его не можетъ отнять прелестей вашихъ, коихъ цѣну нечувствовать весьма несправедливо бы было. Такимъ образомъ совокупляясь толь непрерывнымъ дружествомъ, будете опять по прежнему имѣть свиданїе, безъ наималѣйшаго при таковомъ позволительномъ обращенїи раскаянїя.

Всякъ легко представить себѣ можетъ, что невеликаго стоило для злоумышленниковъ сихъ труда, Гермѣлево въ страстяхъ погруженное сердце волѣ своей покорить, коей онъ себя не токмо добровольно подвергъ, но казалося, какъ бы и самъ вспомоществовалъ намѣренїю ихъ.

ихъ. Ослѣпленныя глаза не находя для себя свѣту, влекли сердце его къ конечной погибели, въ коемъ, подъ видомъ мнимаго дружества, страсть любви лишь пуще усиливалась; словомъ сказать, неоставалось для него никакого спасенія. Чувства нѣжнаго супруга и добродушнаго отца, рождаемыя непорочностію и душевнымъ спокойствіемъ, ослабѣвали въ немъ съ каждымъ днемъ. О сколь драгоцѣнны преимущества сіи! кои и при малѣйшей потерѣ совсѣмъ уже для насъ невозвратны. Развратная жизнь истребила всю изъ сердца его отраду, которую онъ сперьва толико ощущалъ въ супружествѣ, какъ закономъ такъ немѣнѣе и добродѣтелью утвержденномъ. Преисполненное живости лице его покрылось глубокомысліемъ и досадами: ласки являемыя женою и дѣтьми были для него отвратительны, и невинныя послѣднихъ забавы увеселяли его уже не столь-

ко, какъ прежде; и каждая почти минута раждала новыя въ немъ перемѣны.

Добродушная Адельгейдъ хотя и видѣла таковую перемѣну къ немалой горести своей, но опасаясь опечалить мужа своего и наималѣйшею жалобою, всевозможно старалась скрывать отъ него смущенїе сердца своего, и не смотря на все ей оказываемыя имъ суровости, наичувствительнѣйшїя знаки любви своей къ нему являла. Вы хотите, говорила она къ одной прїятельницѣ своей, чтобъ я охуждала его поступокъ, и укоряла недовольное его сердце: онъ и безъ того, рано или поздо, возвратится на истинной путь. Любовь его отъ насъ несовсѣмъ еще отнята - Заблужденїя его не столь сильны, чтобъ нельзя было отъ него поправленїя ожидать. И сколь трудно, дражайшая прїятельница, раздражать того, кого любишь! Гермѣль перемѣнится. Ни

что,

что, кромѣ одной любви онъ отъ меня не увидитъ, и я буду только въ уединенiи оплакивать бѣдствiе мое. Повѣрьте! многiя жены могли бы преклонить мужей своихъ къ себѣ, когдабъ жестокости оныхъ соотвѣтствовали смиренностiю; сiе одно надѣжнейшимъ для насъ служитъ средствомъ къ предохраненiю себя отъ жестокости мужей. Дѣти мои будутъ теперь двукратною наслаждаться отъ меня любовiю, одною собственно за меня, а другою за отца ихъ — Мы наконецъ преодолѣемъ сердце его, и онъ обратится опять къ намъ — но тогда ни что уже не лишитъ насъ его, и ни что болѣе не разлучитъ насъ съ нимъ. Гермѣль не можетъ быть преступникомъ, а не то былабъ и я порочна, когдабъ хотѣла его въ толь поносномъ подозрѣвать поступкѣ? Ахъ! найдетъ ли онъ когда нибудь сердце, кое бы большей къ нему любви и благодарности противъ моего было наполнено! и не уже

ли лобзанія дѣтей его болѣе для нево неотрадны! - Одно тяжебное дѣло, въ коемъ мы связаны, можетъ быть причиною помраченнаго его лица. Такъ! конечно сіе единственно всею тому причиною - любовь моя прогонитъ всю сердца моего тоску.

Между тѣмъ неудовольствіе являлось часъ отъ часу болѣе на Гермѣлевомъ лицѣ. Потупленный взоръ его наполнялся неистовствомъ, и когда супруга его къ нему приближалась, то казалось, какъ бы боясь ее, старался отъ нее убѣгать; коротко сказать, во всѣхъ дѣйствіяхъ его открывалось повсюду терзаніе совѣсти. Супруга его, хотя и не могла скрыть смятенія своего, но не осмѣливалась однакожъ спрашивать его о притчинѣ толь снѣдающей его печали. Онъ наблюдалъ глубокое молчаніе, а хотя и говорилъ что нибудь, то не иначе какъ съ досадою и огорченіемъ. Адельгейдъ

гейдъ не могши наконецъ преодолѣть печали своей, бросилась со слезами въ объятія супруга своего; которой оттолкнувъ ее отъ себя, старался сколько возможно, ласкательствъ ея убѣгать. - Дражайшій супругъ! того ли заслужила любовь моя? вскричала она, удвоивъ слезы свои. Какое учинила я преступленіе? откройте мнѣ оное. - Поди, и удались отъ меня! я, одинъ я только виновенъ! Сіи послѣднія слова произнесъ Гермѣль съ томнымъ голосомъ - Оставь меня! - О когдабъ я уже покрытъ былъ глубиною земли сея - Какъ? Гермѣль! вы терзаетесь! и не хотите раздѣлить терзанія вашего со мною! какое бремя угнѣтаетъ сердце ваше? успокойтесъ и откройте мнѣ досаду свою - ни кто васъ столько не любитъ, какъ я, повѣрьте искренности моей, которую вы толико завсегда во мнѣ похваляли! - Боже мой! что я слышу? не упоминай мнѣ

мнѣ болѣе о нѣжности, но скажи лучше, что равнодушїе твое - ненависть твоя . . . Ненависть моя? Гермѣль! и хотябъ я и хотѣла васъ ненавидѣть, то можетъ ли сердце мое вмѣстить толь страшное въ себѣ чувствїе? Другъ мой! непресталабъ я лобзать рукъ твоихъ и тогда, когдабъ и въ крайнюю бѣдность тобою ввержена и самой жизни была лишена? - Престань! великодушная супруга, меня своими терзать словами - Что я говорю, Гермѣль! ты мнѣ будешь невѣренъ и любви своей меня лишишь! Ахъ! коликая представляется глазамъ моимъ мечта! - подите, я вамъ все прощаю, любовь моя лишь болѣе къ вамъ будетъ возрастать. По сихъ словахъ бросился Гермѣль съ рыданїемъ и слезами въ обЪятїя ея. Ахъ! дражайшая Адельгейдъ! не ужъ ли это истинна словъ вашихъ? я люблю васъ за всегда, и никогда любить не престану - но обидѣвъ

васъ,

васъ, нахожу присудствїе ваше для себя несноснымъ, и гнушаюсь самъ собою - Ахъ! когдабъ ты знала, коликимъ я себя подвергъ порокамъ! - Гермѣль, предавшись со всѣмъ отчаянїю, утопалъ въ непрерывныхъ слезахъ и обнималъ свою супругу, коя не въ силахъ уже была болѣе страсти своей сопротивляться. - Ограничивая страсть свою, продолжалъ Гермѣль, которая меня измѣнникомъ учинила, думалъ наслаждаться однимъ только дружествомъ; но сколько обманулся! когда вмѣсто оной бѣдственная въ сердце мое вкралась любовь, учинившая меня къ тебѣ невѣрнымъ! Нарушивъ долгъ къ любезной женѣ своей, истребилъ съ онымъ купно и честь мою, клятвы, и любовь какъ къ дѣтямъ, такъ и самому себѣ... Но я уже за то наказанъ, и чувствую довольно съ немалымъ для себя теперь безпокойствїемъ, сколько добродѣтельная жизнь отрадна. О!

вѣро-

вѣроломный другъ! почто познакомилъ ты меня съ сею опасною женщиною? – Обожаемая супруга! но вы ничего мнѣ не отвѣтствуете! не выли обѣщали мнѣ упустить мое преступленіе? – Какая блѣдность покрываетъ лице ваше? почто смыкаются глаза ваши?

Нещастная сія упала въ обморокъ и дала мужу знакъ, чтобъ онъ слугъ на помочь не сзывалъ. Онъ держалъ ее на рукахъ своихъ; не зналъ что дѣлать, называлъ тысячекратно ее дражайшею своею супругою; неоднократно заклиналъ себя въ порочной любви, обѣщаясь на вѣки толь гнуснаго предмѣта убѣгать, и орошая руки ея слезами и прижимая оныя къ устамъ своимъ, свидѣтельствовался самимъ небомъ въ сердечномъ раскаяніи своемъ.

Наконецъ Адельгейдъ опамятовалась опять, и едва отъ слабо-

сти говорить могла. - Сколь я безсильна! говорила она, что не въ состоянiи была перенести сего удара! Но постараюсь сколько возможно преодолѣть себя, хотя и не привыкла раздѣлять сердца твоего съ другими! оно тебѣ - - - Тебѣ токмо, Адельгейдъ, принадлежитъ одной по конецъ жизни - но прошу васъ, забудьте таковый поступокъ, которой я постараюсь нѣжнѣйшею къ вамъ загладить любовiю и непоколебимою вѣрностiю - Охотно, Гермѣль, все забываю! оставь меня только на нѣкоторое время въ покоѣ, и дай наплакаться глазамъ моимъ: я увѣрена, что вы себя исправите, и я опять по прежнему буду любовь вашу ко мнѣ ощущать. По семъ оставя супруга своего побѣжала къ дѣтямъ своимъ, и вынесла ихъ къ Гермѣлю: Могла ли любовница твоя дать жизнь толь любезнымъ творенiямъ? Они ходатайствуютъ предъ вами за свою мать,

коея

коея прелести хотя и не соотвѣтствуютъ прелестямъ Цериньяны; но однакожъ можетъ ли быть какое сердце болѣе моего къ вамъ привязано, когда я для того только на свѣтѣ и живу, чтобъ васъ любить?

По семъ обнимали нѣжныя сїи супруги другъ друга, и совокупляя вздохи свои, въ запуски цѣловали дѣтей своихъ, и по перемѣнно прижимали оныхъ къ своей груди.

Гермѣль не опамятовавшись отъ страсти своей не мѣдля бросился къ Бливвалю, коего страннымъ приходомъ своимъ въ немалый привелъ ужасъ - Другъ мой! какой безпорядокъ вижу я на лицѣ твоемъ? какое нещастїе приключилось съ тобою? - Ты дерзаешь называться другомъ моимъ? - Нѣтъ ни когда ты онымъ не бывалъ. Ты виновникъ всего моего нещастїя, и ты

одинъ

одинъ токмо истребилъ всѣ плоды добродѣтели во мнѣ, кои я чрезъ цѣлыя двадцать лѣтъ толь тщательно собиралъ! я поразилъ сердце наидобродѣтельнѣйшей жены! — сердце! кое совершенной заслуживаетъ любьви, удаленной отъ всякаго совѣсти угрызенія, и непрерывнаго страданія. Ты губитель мой! поди теперь къ Цериньянѣ! опиши ей состояніе мое! скажи, что я отъ раскаянія въ учиненномъ мною преступленіи умираю! и увѣрь ее, что не подвергну себя ужъ болѣе прежнему бѣдствію, а вѣчно стану взора ея удаляться! — Прелести ея уже не ослѣпятъ болѣе разсудка моего, нѣжности и долгу; но буду ее бѣгать, ею гнушаться, и истреблю всякую объ ней изъ сердца своего мысль. — Радуйся! проклятая душа, что ввергнула меня въ ужасную пропасть! Адельгейдъ уже извѣстна обо всей причиненной мною ей обидѣ — и сердце мое никогда

 тер-

терзаній своихъ не прекратитъ въ томъ, что я слѣдовалъ гибельному твоему совѣту, допустивъ ввергнуть себя въ толикое бѣдствіе! – На вѣкъ оставляю тебя, презрѣнное созданіе! не достойное моимъ называться другомъ; и никогда болѣе не увидишь ты меня въ бѣсѣдѣ своей! – Блинваль хотѣлъ было отвѣтствовать на толь безчисленныя укоры, но Гермѣль недавъ ему на то времени, насильно отъ него ушолъ, и поспѣшая домой заперся въ своей горницѣ, гдѣ далъ свободно горести своей разпространиться, которую одно токмо время и нѣжность супруги его могли изъ сердца его истребить.

Немѣдля спровѣдала и Церинькяна о таковомъ неожидаемомъ приключеніи, которая знала довольно, что Блинваль отъ слабости ослѣпленнаго Гермѣля, подъ видомъ займа и дружескаго способствія, великія

ликія суммы денегъ получалъ, хотя никогда и не намѣренъ былъ оныхъ заплатить; безъ коего источника былобъ не довольно одного ихъ ограниченнаго имѣнія къ удовлетворенію роскошныхъ своихъ побужденій; чего ради теперь совокупно и изыскивали новыя средства къ уловленію своея добычи. Блинваль написалъ къ Гермѣлю письмо слѣдующаго содержанія: „Я желаю переговорить съ вами въ кратцѣ нѣсколько словъ, неупоминая ни мало о обиженномъ дружествѣ и понесѣнной чести моей. А все то, что я намѣренъ вамъ сказать, относится единственно токмо до собственной вашей пользы, по чему несумнѣнно ожидаю васъ къ себѣ.„ Гермѣль получивъ сіе письмо совсѣмъ и непомышлялъ о томъ, что съ порочными людьми ни въ какое дѣло вступать не должно, а паче таковаго сообщества удаляться надлежитъ; или что въ противномъ слу-

чаѣ неминуемо жертвуемъ онымъ щастїемъ своимъ; и не воображалъ себѣ того, что ни въ чемъ на самаго себя вѣрно полагаться не льзя.

Такимъ образомъ почитая себя безопаснымъ отъ всякихъ вновь нападенїй, вознамѣрился паки слѣдовать пути добродѣтели и чистѣйшей любви, и для него казалось невозможнымъ попасть въ поставляемыя ему сѣти. Вооруженъ сими непреоборимыми мыслями, пошелъ въ домъ къ Блинвалю; которой не укоряя его ни въ чемъ, спрашивалъ только о своихъ долгахъ. Принявъ на себя видъ притворнаго высокоумїя, говорилъ къ заимодавцу своему, что желаетъ лучше все свое имѣнїе продать, нежели быть должникомъ такого человѣка, которой его дружества своего лишаетъ. Благодарность былабъ для меня тягостна, когдабъ оная не совокуплялась съ дружествомъ, коимъ сердце

мое

мое наполнено къ Гермѣлю, не взирая на неблагодарность его. - Сїи слова тронули чувствительное сего нещастнаго сердце. Коварная душа Блинваля примѣтивъ то сердца его возмущенїе, старалась лукавствомъ своимъ оное еще болѣе возмутить, произнеся наконецъ въ заключенїе своея рѣчи сїи слова: Гермѣль! ты неблагодарный; а я твой должникъ; но такое дружество, какъ мое, превосходитъ всѣ тѣ деньги, коими щастливая твоя судьбина доставила тебѣ случай меня ссудить - однакожъ будь увѣренъ, что не останешся безъ платежа, я конечно заплачу тебѣ долгъ свой - Но къ кому прибѣгну въ печали и скорби сердца моего причиняемыхъ твоей со мною разлукою! - - - Ты видишь, что я охотно себя всего лишаю. Превосходство благородной души состоитъ въ томъ, чтобъ унижать самаго себя, когда дружество того требуетъ. - Непорочныя мысли мои

 устре-

устремлялись не къ иному чему, какъ наслаждаться токмо любвидостойною твоей бесѣдою. - И виновенъ ли я тому, что ты влюбился въ Цериньяну? виноватъ ли въ томъ, что обращаясь съ нею не истинному слѣдовалъ пути, которой одну непорочность и веселїе для тебя приуготовлялъ? - По что возпользовался ты слабостїю женщины, ей тобою самимъ вперенной? И чемъ наградилъ любовь ея? неудовольствуясь нанесѣннымъ ей въ домѣ ея стыдомъ, осмѣлился еще разглашать о томъ по городу. Не ужъ либъ не могъ быть неблагодарнымъ, не слагая на нее вины въ толь постыдномъ дѣлѣ? О! когдабъ ты зналъ, колико таковый поступокъ женщину раздражаетъ! и кому открылъ ты то? - женѣ своей! - или надѣешься отъ оной большаго великодушїя, нежели отъ Цериньяны? и чаешь, что забудетъ твою невѣрность? - Таковую тайну,

ну, другъ мой, надлежитъ завсегда хранить въ себѣ - Блюдите на всегда къ супругѣ своей вѣрность! жертвуйте ей только одной своимъ сердцѣмъ и находите всю свою отраду! я первой, который васъ къ тому поощрялъ: но къ чему было вамъ закалать невинную жертву для возвышенія своей побѣды?

Гермѣль смягчилъ на половину противъ прежняго сердце свое: противоборствовалъ ужъ съ меньшими силами, поддерживаемъ будучи одною только еще нѣжностію своея супруги. Послѣднія Блинвалемъ произнесенныя слова возбудили его къ размышленію: о какой жертвѣ говорите вы? - Конечно! отвѣтствовалъ Блинваль, уже это дѣло рѣшено, что нещастная Цериньяна учинилась жертвою вашею. Знаете ли, въ сколь горестное ввергнули вы ее состояніе? она лежитъ при послѣднемъ уже издыханіи, и едва

ли нынѣшняго доживетъ вечера! — Вѣсть сія разстроила совсѣмъ Гермѣлево сердце — Какъ! она при послѣднемъ издыханіи? вскричалъ онъ съ прискорбнымъ голосомъ — Такъ! она уже недалеко отъ конца своего, и должна за бѣдственную свою слабость пострадать жизнію — не смотря на все сіе однакожъ столько еще великодушна, что непреставая любить виновника своего, желаетъ только предъ смертію своею во всѣхъ съ вами обязательствахъ раздѣлаться. Сія только мысль тѣснитъ сердце ея, и онабъ подлинно съ немалымъ удовольствіемъ скончала свою жизнь, когдабъ только могла васъ предъ концомъ своимъ увидѣть.

Не безъ удовольствія смотрѣлъ лукавецъ сей на дѣйствія производимыя словами его въ сердцѣ Гермѣлевомъ, которой находился внѣ себя, и по сильной наконецъ съ

са-

самимъ собою распрѣ говорилъ: Могуль снести сїе, чтобъ укоряли меня въ жестокости къ женщинѣ! – Ахъ! непрерывайте дружества нашего! теперь я ни въ чемъ не хочу вамъ совѣтовать, Гермѣль! въ другоежъ время оправдало бы меня дружество, открыть вамъ свое мнѣнїе, а только увѣряю васъ по истиннѣ, что Цериньянѣ малѣйшее остается жизни дыханїе, и къ немалому будетъ относится чуду, когда она нѣсколько дней проживетъ.

По семъ впалъ Гермѣль въ глубокое размышленїе: онъ испускалъ тяжкїя вздохи, и бѣгая по горницѣ взадъ и впередъ, начиналъ говорить, но не доканчивая рѣчи опять замыкалъ уста. На лицѣ его изображалось сильное смятенїе. – Я заклялся на всегда, говорилъ онъ съ прерывающимся голосомъ, видѣться съ опаснымъ симъ предмѣтомъ – далъ въ томъ слово женѣ своей и

 самому

самому себѣ. Но добродушіе Адельгейды мнѣ не безъизвѣстно, и знаю что спровѣдавъ о нещастіи семъ, она сама будетъ поощрять меня къ тому. - Вы говорите, что она близка къ концу своему? - Такъ близка, что отчаеваюсь почти, чтобъ вы могли найти ее въ живыхъ. - Изрядно! я согласенъ къ ней итти, но токмо въ послѣдній разъ въ моей жизни! сегодня послѣ обѣда я буду къ ней - И такъ вы точно слово свое сдержите? О! коликую сіе вамъ принесетъ отраду, что присудствіемъ вашимъ продлится жизнь нещастной на одинъ хотя часъ!

По семъ оставилъ его Блинваль съ совершеннымъ въ побѣдѣ своей торжествомъ, и немѣдля пошедъ къ сообщницѣ своей, увѣдомилъ ее о удачномъ въ предпріятіи своемъ успѣхѣ. - Добродушныя сердца подвержены всегдашней опасности

быть

быть жертвою безбожныхъ: добродѣтель не знаетъ никакихъ притворствъ и обмана, и потому впадаетъ нерѣдко во искушенїе не мало поносное для чести нашей, въ коемъ случаѣ однимъ только утѣшенїемъ для насъ остается то, что мы увѣрены о невинности своей; и тѣмъ лишь предохраняемъ себя отъ колкаго разсужденїя людей.

Злобныя сообщники сїи выдумали немѣдля новый ковъ къ совершенному сего нещастнаго бѣдствїю, о коемъ читатель изъ послѣдствїя обстоятельнѣе увѣрится.

Гермѣль не опасающїйся никакого притворства, а однимъ токмо сожалѣнїемъ побуждаемый, открылъ сїю печальную супругѣ своей о соперницѣ ея вѣсть, и желанїе спокойно скончать свою жизнь — Но Адельгейдъ, не давъ мужу своему окончать еще и рѣчи, говорила: Поспѣ-

спѣшайте къ ней какъ возможно! Человѣкъ умирающій заслуживаетъ всякаго сожалѣнія: при таковыхъ обстоятельствахъ простительны и самыя пороки. Проклята да будетъ злобная та душа, которая при смерти друга своего еще не примирима! Поди, Гермѣль! и утѣшь нещастную сію жену! увѣрь ее, что и я пріемлю участіе въ горестной ея судьбинѣ, и всѣ силы употреблю возвратить ея жизнь. – Она причиною всѣхъ моихъ мученій была; однакожъ я прощаю ей все отъ чистаго сердца, и ни о чемъ болѣе не мышлю, какъ о горестной ея судьбинѣ, коя ей предстоитъ.

Женщина близь конца своего на постели лежащая, коея умирающій голосъ совсѣмъ былъ не понятенъ; горница всѣхъ нужныхъ мебелей лишенная и крайнюю бѣдность являющая; восковая свѣча дающая отъ себя слабый свѣтъ; Блинваль съ

со-

сокрушеннымъ сердцемъ по одну сторону постели стоящій; все толь ужасныя явленія привели Гермеля въ немалое удивленіе при входе его въ домъ Цериньяны: онъ едва могъ образумиться. На столе лежали мешки съ деньгами — Подойдите ко мне! говорила умирающая; при толь бедственномъ положеніи я не въ силахъ вамъ въ обстоятельствахъ моихъ изъясниться. Гермель ужасался немало бедствію ея. — Вы видите, говорила она съ томнымъ голосомъ, сію жертву, которую я сама себе наложила, намереваясь по возможности заплатить вамъ еще предъ смертію долгъ свой, и для сего лишила я себя и нужнейшихъ мебелей, единственно только, чтобъ толь святой долгъ оплатить — — Печаль снедающая мое сердце отъемлетъ у меня жизнь! — Вамъ не неизвестенъ виновникъ сихъ моихъ страданій — Вы его знаете! при сихъ словахъ текли изъ глазъ ея

слезы

слезы – Я прошу васъ, государь мой! изъявите одну токмо ко мнѣ милость и пожалѣйте обо мнѣ!

Ослѣпленное Гермѣлево сердце немало было поражено симъ позорищемъ. Онъ не возмогъ удержаться, чтобъ не соболѣзновать о сей нещастной, и удивляясь толь великодушному ея поступку пришелъ въ крайнее смятенiе, и обѣщалъ съ нею опять видѣться. Прiемля наиоткровеннѣйшее въ бѣдствiи ее участiе, ощущалъ къ ней всю дружества привязанность; наконецъ оставляя ее увѣрялъ, когда жизнь ея продлится, истощить всѣ нѣжныя къ ней чувства, выключая одной только любви. О! сколь далеко простирается слѣпота сердца человѣческаго! – хотябъ насъ и другiя не обманывали, то мы сами стараемся обманывать себя, и разными одержимы воображенiями ко всеконечному стремимся бѣдствiю.

Гер-

Гермѣль, отозвавъ при отходѣ своемъ Блинваля къ сторонѣ, говорилъ: Вы знаете меня, я беру сіи деньги только для того, чтобъ употребить оныя въ пользу сопряженную съ честью моей: скажите мнѣ остается ли еще время къ выкупу ея мебелей и всего того, что ею для полученія сихъ денегъ продано? – Безъ сомнѣнія! отвѣтствовалъ Блинваль. – Изрядно! такъ примитежъ вы на себя стараніе ей все возвратить. Сердце мое коликую ощутитъ отраду, когда сей поступокъ увѣритъ сію нещастную о моемъ къ ней почтеніи, сохранитъ ее жизнь, или по малой мѣрѣ уменшитъ ужасъ смертнаго часа. Она по истиннѣ почтенія моего достойна! Адельгейдъ не будетъ въ томъ ревноватъ. Я постараюсь, когда жизнь Цериньяны продлится, утвердить между ими непрерывное дружество. – Но едва успѣла нещастная сія жертва честности и легкомы-

комыслія наполненная сойти съ лѣстницы, то вдругъ подняли сообщники сіи великой смѣхъ отъ радости въ удачѣ своей: мебели были не проданы, а деньги заняты только на короткое время, когда столь извѣстно имъ было великодушіе Гермѣлево. Я бы все свое прозакладывалъ имѣніе, кричалъ Блинваль! вы видите, что онъ теперь еще пуще къ нашей склоненъ волѣ, и изъ чувствительной сего человѣка души можно все сдѣлать, что хочешь; но теперь настаетъ для насъ выгодное время ко мщенію.

Гермѣль чувствовалъ то пріятное услажденіе сердца, съ коимъ всякой добродѣтельной поступокъ неразлучно совокупленъ. Уже чинилъ онъ обѣты во спасеніи жизни вѣроломныя сея, и пріуготовлялъ себя напередъ къ будущему съ нею обращенію, почитая себя довольно

крѣп-

крѣпкимъ къ соблюдѣнію дружества. Съ таковымъ предпріятіемъ возвратился онъ опять къ гнусной своей чародѣйкѣ, коя его немало увѣрить старалась, колико жизнь ея присудствіемъ его возобновилась. Наконецъ дошла рѣчь между ими до взаимнаго другъ къ другу изъясненія, кое она въ слѣдующихъ произносила словахъ: Мы раздражены другъ на друга, говорила она . . . О! коль дорого одно мгновеніе слабости моей стоило для меня! я клянусь вамъ, Гермѣль, что буду на всегда искреннѣйшею супруги вашей пріятельницею, и потщусь сама возбуждать васъ къ исполненію святѣйшего къ супругѣ вашей долгу, и мы оба, я и Адельгейдъ, непрерывно другъ друга любить будемъ; сердце мое будетъ однимъ токмо чистѣйшимъ и безкорыстнѣйшимъ къ вамъ дружествомъ пылать; добродѣтель ваша требуетъ моей благодарности, и я не премину вамъ воздать за оную,

какъ

какъ скоро только обстоятельства мои нѣсколько поправятся – О! съ коликимъ удовольствїемъ почитаю я сей долгъ на себѣ, за которой мы тѣмъ, коихъ почитаемъ, не неохотно возблагодаряемъ: удовольствїе такое сходствуетъ почти съ тѣмъ, коимъ мы ближнимъ своимъ оказываемъ добро, хотя оное и съ немалою жертвою надмѣнности нашей сопряжено – Гермѣль! и такъ мы забудемъ проступокъ нашъ, и пребудемъ нѣжнейшими на всегда друзьями. Есть ли вы найдете впредь хотя малѣйшую во мнѣ погрѣшность, то нещадя ни мало, смѣло можете мнѣ о дружествѣ семъ напомнить. Гермѣль отвѣтствовалъ на то не иначе, какъ ожидать можно было того отъ ослѣпленнаго его сердца, и такимъ образомъ въ короткое время наилучшїй опять поспѣлъ романъ. Притворившаяся сїя больная никогда не имѣла толикихъ прелестей и то-

ликаго

ликаго разума, какъ теперь. Гермѣль имѣлъ съ нею ежедневное свиданіе, и продолжалъ все тѣсное свое съ Блинвалемъ знакомство, отъ чего бѣдствія его весьма усилились въ немъ.

Гермѣль вдавался часъ отъ часу болѣе порокамъ. Невходя ни мало въ состояніе свое, избѣгалъ сколько возможно случая, чтобъ не говорить съ Адельгейдою о любовницѣ своей, и утаевалъ отъ нее частое съ тою свиданіе. Печальныя слѣдствія сего столь безразсудно возобновленнаго союза можетъ всякъ безъ затрудненія усмотрѣть. Уже издавна опытами доказано правило сіе, что всякая насильно удерживаемая страсть наконецъ того, кто ей предастся, во все погубляетъ. И для того премудрый Менторъ не попускаетъ Телемака остаться на брегахъ волшебной Калипсы, но съ твердою рукою повергаетъ его въ море. Ослѣпленный сердцемъ сво-

имѣ Гермѣль удалилѣ отѣ себя весѣ разсудокѣ и предположенное дружество, а вмѣсто того питаясь мало по малу гибельною отравою, учинился наконецѣ измѣнникомѣ клятвы и чести и непорочной любви своей. Утопая вѣ объятїяхѣ любовницы, помрачилѣ душу свою всевозможными пороками. Расточая имѣнїе истребилѣ все попеченїе о семѣйствѣ своемѣ и не внималѣ уже гласу самой природы: сѣ нещастнымѣ возобновленїемѣ знакомства его пресѣклась вѣ немѣ любовь кѣ дѣтямѣ; кротость супруги его и безропотное ея терпѣнїе укоряли мучительно вѣроломное его сердце. Возвращаясь домой, при каждомѣ разѣ укоряемѣ былѣ угрызенїемѣ совѣсти своей, но непопуская усиливаться дѣйствїемѣ оной, ополчалѣ себя безчувственностїю и всѣми силами старался избѣгнуть сего внѣшняго судїи, коего увѣщанїямѣ совсѣмѣ нехотѣлѣ внимать.

Нещастной

Нещастная Адельгейдъ утѣшалась малѣйшею токмо надеждою къ возвращенїю супруга своего на стезю добродѣтели. Непремѣнною кротостїю своею надѣялась она внезапное произвесть дѣйствїе, и толикое являла духа спокойствїе въ себѣ, что и самыя слезы отъ него скрывать старалась. Одинажды случилось, что старшее ее дитя, коему былъ пятый годъ отъ роду, застало мать свою въ слезахъ. Сїе невинное творенїе, коего сердце уже состраданїемъ было наполнено, тронуто было немало позорищемъ симъ, и бросясь въ объятїя матери своей - Что вамъ здѣлалось, любезная матушка? говорило дитя сїе съ рыданїемъ, вы плачете - Любезный сынъ! я великое терплю мученїе - Не недостатокъ ли васъ сокрушаетъ, матушка? я тотчасъ пойду и принесу вамъ свой завтракъ, я и безъ онаго могу до обѣда пробыть - Любезное дитя! от-

вѣтствовала тронутая симъ чувствїемъ мать, завтракъ свой ты самъ скушай; и въ благодарность за таковое добродушїе поцѣловала его; страданія мои, продолжала она, со всѣмъ инаго роду, и не въ голодѣ и скудости состоятъ. О милое дитя! дай Боже, чтобъ ты никогда оныхъ не ощущалъ! они снѣдаютъ сердце, и высушаютъ всѣ соки: бѣдность и скудость отъ насъ недалеко уже отстоятъ. – Дражайшая мать! что такое значитъ скудость и недостатокъ, о коихъ вы говорите? – Недостатокъ есть такое состоянїе, въ коемъ мы нужной одежды, пищи и всѣхъ удобствъ въ жизни потребныхъ лишаемся. – Матушка, не опасайтесь, вы не будете безъ одежды; вить у меня оной довольно, вы можете ее взять себѣ, и я вамъ все, что ни имѣю, охотно отдаю. Когда я выросту, то буду васъ гораздо болѣе нежели мой батюш-

ка

ка любитъ; онъ я думаю ужъ насъ совсѣмъ не любитъ, онъ видится, съ нами столь рѣдко и не утѣшаетъ васъ. Яжъ съ моей стороны, любезная матушка, ласкалъ бы вамъ безпрестанно, утѣшалъ бы васъ неотступно: ваше присудствїе только успокоеваетъ меня; когда васъ не вижу, съ вами не говорю и васъ не лобызаю, то никакой не ощущаю радости. - Когда ты меня столько любишь, дружокъ мой! такъ скажи отцу твоему, что ты меня плачущую видѣлъ, и что я отъ горести умираю. Разумѣешь ли меня? онъ силу словъ твоихъ пойметъ. - Исполню приказанїе ваше и скажу о томъ отцу моему, хотя его столько и не люблю, какъ васъ. - Въ семъ поступаешь ты несправедливо, дитя мое! ты долженъ отца своего любить равно какъ и меня, Богъ повѣлеваетъ то въ заповѣдяхъ своихъ. - Но для чегожъ я васъ люблю сердечно, хо-

тя мнѣ никто того и не вперялъ. – Незабудь только описать отцу своему состоянія моего – Не опасайтесь, я того не забуду; воля ваша для меня велика, и я подлинно охотнѣе даннаго мнѣ урока оную въ памяти своей сохраню.

Разговоръ сей между матерью и сыномъ покажется для сердецъ развращенныхъ безважнымъ: тѣже, коихъ увеселяетъ природа, немалое найдутъ въ ономъ услажденіе, чтобъ слышать необузданные ихъ рѣчи и сладостное сердецъ побужденіе. Нѣсколько часовъ спустя пришелъ и Гермѣль домой съ помраченнымъ лицемъ и потупленными глазами; видъ его являлъ внутренне грызущую печаль. Онъ всячески старался убѣгать взоровъ супруги своей, и изыскивая для себя уединеніе удалился въ свой покой: взглядъ добродѣтельнаго человѣка служитъ на всегда подлинно немалымъ для развращ-

наго терзанïемъ. Дитя побѣжало ему на встрѣчу со всѣми невинности прелестями, тѣми сильными прелестями, кои весьма скоро протекаютъ, и скрывшись единожды, никогда уже къ намъ не возвращаются. - Батюшка, знаетели вы, что матушка моя отъ горести почти умираетъ? она сама мнѣ то во слѣзахъ говорила. - Во слезахъ? вопрошалъ Гермѣль; поди и оставь меня въ покоѣ. - Какъ! вы не позволяете мнѣ лобзать себя? Подите, любезный батюшка! и утѣшьте добродушную мою мать! и я не престану плакать, пока не увижу ее успокоенну - ужъ и сіи слова прерываемы были текущими изъ глазъ сего дитяти слезами. Невинныя жалобы смягчили наконецъ сердце Гермѣлево, которой дитя свое то удаляя, то опять къ себѣ призывая, прижималъ къ своей груди, и казалось, что хотѣлъ съ нимъ говорить. Уже было наступила благо-

получная та минута, въ которую природа и Адельгейдъ сердце его преодолѣвать начинали, какъ вдругъ всѣ сїи побужденїя приходомъ двухъ Блинвалевыхъ друзей пресѣклись. Уже недалеко было отъ него раскаянїе, когдабъ къ несчастїю гибельное порочныхъ друзей внушенїе неистребляло по часту возрастающаго чувствїя добродѣтели въ сердцѣ еще не совсѣмъ порокамъ преданномъ. Большая часть коснѣющихъ въ порокахъ людей желаетъ нерѣдко возвратиться къ добродѣтели; но весьма мало такихъ, кои бы слѣдуя толь благородному чувствїю, могли произвесть оное въ дѣйство.

Гермѣль забылъ при входѣ вѣроломныхъ знакомцовъ своихъ и дитя и долгъ свой, долгъ отца и супруга, и страсть его возрастала до безразсудства. Мотовство, въ кое онъ вдался, побудило его занимать въ долгъ немалые суммы, чрезъ

что

что домашнїе его обстоятельства доведены были до крайности. Домъ его, окруженный отвсюду заимодавцами, служилъ горѣстнѣйшимъ скудости позорищемъ: и самое имѣнїе супруги его уже было растощено, и для сея нещастныя не оставалось ничего болѣе, кромѣ одного малаго годоваго содержанїя. Жестокосердїе Гермѣлево не смотря на то столь было велико, что онъ и сихъ отъ нее требовалъ денегъ. Сїя истощеваема внутреннею горестью немогла постоянствомъ своимъ угрожаемой преодолѣть скудости. Соболѣзнуя о нещастныхъ дѣтяхъ своихъ и предчувствуя, что лишась сего послѣдняго пропитанїя принуждены будутъ наконецъ умереть съ голоду, отважилась въ перьвые супругу своему, коего она невзирая на превратность его все еще любила, въ сихъ деньгахъ отказать, что Гермѣля въ крайнее привело бѣшенство; но супруга не отвѣтствуя

на

на то ни слова, написала къ нему письмо слѣдующаго содержанія: ,,Твердо предпринявъ ни малѣйше ,,не огорчать васъ по конецъ жизни ,,моей, безнужнымъ почитаю те- ,,перь сердцу вашему наноситъ уко- ,,ры: при таковомъ смятеніи, въ ,,какомъ находитесь вы, устремля- ,,ются чувства къ одному токмо ,,самолюбію, а хочу, чтобъ вы мнѣ ,,нѣкогда за смиренность мою воз- ,,благодарили. Я напоминаю вамъ ,,о моемъ токмо къ вамъ поступкѣ. ,,Вы знаете, сколько старалась я ,,за всегда угождать вамъ во всемъ, ,,и сколько любовь моя къ вамъ без- ,,примѣрна: сія любовь причиною, ,,что я вамъ почти всѣмъ жертво- ,,вала, не показывая ни малѣйша- ,,го въ лицѣ своемъ смущенія, хотя ,,добродушіе мое въ семъ случаѣ ,,можетъ быть и сверьхъ мѣры было. ,,Я ваша супруга, это правда, но ,,вспомните, что я и мать дѣтей ,,моихъ. Добродѣтельная жена не

,,должна никогда забывать долгу ,,попечительной матери, долгъ сея ,,превозходнѣе первой. Ничего не ,,щадила я ко принесенїю вамъ въ ,,жертву, хотя и знала, что не- ,,помѣрная сїя къ вамъ любовь не ,,малую какъ мнѣ, такъ и дѣтямъ, ,,наконецъ и вамъ самимъ горесть ,,навлечетъ. Но теперь пока еще ,,могу, должна отступить отъ ги- ,,бельной той пропасти, въ кою вы ,,ввергнуть меня намѣрены. Я не ,,за себя, но за дѣтей вашихъ хо- ,,датайствую - Сжальтесь надъ ,,сими нещастными; не заставляй- ,,те меня отдать вамъ послѣдней ,,кусокъ хлѣба, которой намъ ко ,,спасенїю отъ голода остается. ,,Повѣрьте, что не своихъ въ томъ ,,выгодъ ищу. И какую свѣтъ и ща- ,,стїе могутъ принести отраду же- ,,нѣ, коея жизни конецъ уже столь ,,близокъ? женѣ - которой вы уже ,,не любите? Могуль я умереть спо- ,,койно въ непоколебимой извѣст-

,,ности,

„ности, что вы и дѣти мои ску-
„достью угнѣтаемы не будутъ?
„Ахъ Гермѣль! это ваша рука, коя
„мнѣ нещастїе сїе навлекаетъ.

Адельгейдъ!

Безъ сомнѣнїя произвело бы жалостное сїе письмо желаемое дѣйствїе, когдабъ безчеловѣчность и жестокость не истребили изъ сердца Гермелева жалости. Обращенїе его съ развратными людьми утушило въ немъ всѣ нѣжныя чувства, а пороки внушивъ сердцу его суровость, учинили оное безчувственнымъ ко всему. О сколь много видимъ мы таковыхъ печальныхъ примѣровъ истинну сїю подтверждающихъ! и сколь осторожно поступать надлежитъ въ выборѣ друзей, когда себѣ представимъ, въ коль бѣдственную скудость и стыдъ еди-

единый знакомства нашего недостойный предметъ ввергнуть можетъ, до каковой степени нещастнаго добродѣтельной Адельгейды супруга доведенна видимъ! Гермѣль раззорился со всѣмъ для гнусной Цериньяны, а Блинваль раздѣлялъ съ нею плоды пагубнаго своего обм.на. Презрительныя сообщники сіи вознамѣрились, снявъ съ себя завѣсу, предстать въ наигнуснѣйшемъ своемъ видѣ, предпринявъ жертву сію, коя имъ никакой пользы уже приносить не могла, предоставить на произволъ судьбы.

Случай привелъ ихъ познакомиться съ однимъ пріѣзжимъ изъ Америки, которой услышавъ имя Гермѣлево, старался обстоятельно о состояніи онаго навѣдаться. По семъ спровѣдавъ надлежащимъ образомъ обо всѣмъ, знаете ли, говорилъ онъ, что вы вскорѣ сего Гермѣля наибогатѣйшимъ во Франціи

цїи человѣкомъ увидите? Церинь-яна и Блинваль слыша вѣсть сїю немогли возмущенїя сердца своего скрыть – Какимъ образомъ? . . . . Какими чудесами? Неможноли оказать намъ милость и о семъ обстоятельнѣе изъяснить? — Супруга Гермѣля сего имѣла въ Америкѣ сродника, которой неизчетное накопилъ богатство, производя сорокъ лѣтъ торговлю съ отмѣнною удачею; плоды сихъ трудовъ своихъ оставляетъ онъ сродственницѣ своей по смерти, а когда сїя уже болѣе не въ живыхъ, то отказываетъ мужу ее все свое имѣнїе въ наслѣдство. И такъ, прервалъ рѣчь его Блинваль, когда Гермѣлевой не будетъ супруги, то получитъ мужъ ея неизчетныя сїи богатсва? Такъ всеконечно, отвѣтствовалъ прїѣзжїй; при отъѣздѣ моемъ занемогъ сей купецъ, коему по свидѣтельству врачей недолго жить оставалось, и я думаю, что

онъ

онъ уже давно скончалъ свою жизнь. Онъ самоустно обьявилъ мнѣ о завѣщанїи семъ; и такъ друзья ваши вскорѣ наиблагополучнѣйшини будутъ.

Блинвалъ и Цериньяна просили сего прїѣзжаго, по необходимымъ причинамъ, кои они ему въ настоящее время обьявить обѣщались, о семъ нѣсколько времени помолчать, въ чемъ онъ на ихъ прозьбу и согласился.

Едва лишь удалили гнусныя собѣседники сїи отъ себя иностранца сего, то уже новый изготовляемъ былъ ковъ, чтобъ сегожъ самаго Гермѣля, коего они предъ нѣсколькимъ лишь временемъ съ наичувствительнѣйшимъ презрѣнїемъ оставить намѣревались, еще пуще прежняго къ себѣ привязать.

Въ таковомъ предпріятіи велѣла Цериньяна попросить къ себѣ Гермѣля, увѣдомивъ его, что она намѣрена нѣчто нужное переговорить съ нимъ въ тайнѣ, и обѣщала къ себѣ на сей случай никого, ниже самаго Блинваля не допускать. Гермѣль весьма будучи любопытенъ узнать о намѣреніи ея, не мешкавъ прозьбу исполнилъ, но однакожъ по прибытіи своемъ въ отвѣтъ получилъ, что на сей разъ удовольствованъ въ томъ быть неможетъ. Онъ непреставалъ просить - обманщицажъ сія на прозьбу его не склонялась, и онъ принужденъ былъ дожидаться до другаго дни.

Въ назначенный часъ бросился опять поспѣшно къ любовницѣ своей, которая удаливъ отъ себя всѣхъ слугъ, замкнула двери, и не велѣла никого пускать къ себѣ. Теперь мы одни Гермѣль! я намѣрена открыть вамъ свое сердце, коего

долѣе скрывать не могу, и я бы то себѣ въ порокъ поставила, когдабъ захотѣла таить оное отъ того, кого всѣмъ на свѣтѣ предпочитаю. Злодѣйка сія приступая къ произведѣнію злоумышленія своего въ дѣйство, приняла на себя видъ наполненный важностію. Она вооружалась новыми прелестями, красота ея теперь была неограниченна, и Гермѣль никогда столь безсиленъ не былъ къ сопротивленію, какъ теперь — Я думаю, вы видите изъ лица моего великое сердца моего смятеніе, коего не могу болѣе отъ васъ скрывать: уже съ немалаго времени духъ мой безпокойствіемъ наполненъ . . . Я одна хотѣла было только жертвою быть — но и вы раздѣляете столь великодушно страданія мои со мною. Вотъ отчаянія моего притчиною! скажите Гермѣль! что мы сдѣлали? въ какую ввергнулись бѣздну? Не ужли это плоды любви? Когда то такъ,

 то

что вы подлинно никогда сильнѣе и болѣе любимы не были! – При сихъ словахъ она замолчала и изъ глазъ ея текли слезы, кои лишь большую красотѣ ея прелесть придавали – Не нещастливъ ли я? вскричалъ Гермѣль, можетъ ли при толь бѣдственной судбинѣ быть для меня ударъ чувствительнѣе сего? – Гермѣль, я чувствую гораздо большїй, какимъ только можетъ чувствительное серце быть поражено. – Сколь ето ужасно, что разсужденїе или совѣсть наполняютъ щастїе отравою . . . коимъ я уже болѣе наслаждаться не могу. Нѣтъ! прошло уже то восхитительное во мнѣ ослѣпленїе, въ коемъ я безмятежно взаимною наслаждалась любовїю; но все напротивъ того открываетъ теперь глазамъ моимъ проступки мои, или паче пороки. – О дерзновенное покушенїе! разлучивъ съ добродѣтелью истребила въ васъ долгъ къ супругѣ вашей

шей и къ моей пріятельницѣ; есть ли еще возможно соперницу свою любить? Вотъ до чего любовь моя довела меня. Ахъ Блинваль! сколь гибельную явилъ ты мнѣ услугу! сколь дорого и коликаго раскаянія стоитъ мнѣ минута та, въ которую я изменила предпріятіемъ своимъ разположеннымъ къ уединенной и отъ любви удаленной жизни! - Но довольно, я слѣдую уже съ лишкомъ чувствамъ сердца моего, и сіе то самое чувствіе сего дни наибольшее причиняетъ мнѣ мученіе! сіи сильные связывающіе насъ узы, коихъ бы намъ по смерть развязывать не надлежало . . . неминуемо прервать мы должны. - Что вы говорите, Цериньяна? - То что мною предпринято и вамъ исполнить надлежитъ - Другъ мой! уже пора намъ перестать обманываться собою; уже время снять съ глазъ нащихъ ту перевязь, коя всю истинну предъ нами заграждала. Какое я для свѣ-

та, для васъ и для себя позорище! оставя все притворство и слѣдуя истиннѣ одной, что находимъ мы въ себѣ, кромѣ достойнаго отъ добродѣтельныхъ людей къ намъ презрѣнія? Вѣдая ваше сердце, Гермѣль, хотя и несумнѣваюсь о любви вашей ко мнѣ, но можете ли вы въ томъ увѣрить меня, чтобъ оная сопровождаема была почтенiемъ?

Онъ отвѣтствовалъ на вопросъ ея со всѣю нѣжностiю и изыскивалъ разные отговорки: но она еще единожды повторяла, что ненамѣрена болѣе сама собою обманываться. Минута та, въ которую я всю истинну безъ закрытiя вижу, уже наступила, послѣдуйте и вы мнѣ: неужели женщина примѣръ бодрости подать вамъ должна? Разлучимъ на веки свиданiе наше! я стану оплакивать въ уединенiи нещастную любовь мою, и будьте увѣрены, что жизнь моя въ горестяхъ сихъ продлится не долго, но возвращу

вращу тѣмъ сердце ваше супругѣ и вамъ самимъ. А вы будете обо мнѣ жалѣть; такое сожалѣніе о нещастной женщинѣ, которую вы никогда болѣе не увидите, вамъ въ порокъ поставлено быть не можетъ. Ахъ Гермѣль, до послѣдняго издыханія пребудете вы обладателемъ сердца моего!

Легковѣрный Гермѣль бросился къ ногамъ змеи сея, которая съ притворностію цѣлыя токи слезъ изпускала. Возможно ли, вскричалъ онъ съ горестію, мнѣ объ вашей слышать разлукѣ? Знаете ли вы, что симъ меня къ смерти осуждаете? - Гермѣль! по что заставляете вы мнѣ чувствовать всю силу жертвы сея, и по что моимъ препятствуете намѣреніямъ? Нѣтъ, я должна васъ оставить; уже пора престать отъ безумія, кое и честь и долгъ истребило во мнѣ; уже пора пресѣчь то поноше-

нїе, кое я прослывая наложницею вашею принуждена была на себѣ нести! о гнусное имя! когдабъ ты могло провалиться сквозь землю! Не препятствуйте мнѣ удалиться я прошу о томъ въ ногахъ вашихъ. Гермѣль приведенъ былъ внѣ себя, и стараясь ее поднять упалъ и самъ. - Не сопротивляйтесь намѣренїю моему; я удалюсь отъ Парижа, и лишаясь всѣхъ прїятствъ свѣта скончаю жизнь свою индѣ . . . тамъ, гдѣ не будетъ васъ - Но что я говорю? гдѣ не будетъ васъ со мною? васъ, единаго для меня въ свѣтѣ сокровища. - Ахъ! для чего я не вашею супругою? При сихъ словахъ вздыхала вѣроломная сїя, бросая прискорбный на него взглядъ, потомъ собравъ по малу силы съ дрожащимъ голосомъ продолжала: коликой зависти заслуживаетъ супруга ваша? она можетъ предъ всѣмъ свѣтомъ любить васъ, безъ всякаго для чести своей поношенїя!

но

но я? должна вѣ любви своей отѣ стыда краснѣть! – Прощайте, на вѣкѣ прощайте! – Что вы говорите, дражайшая пріятельница? я вамѣ одолженѣ весьма, жизнь моя безѣ васѣ былабѣ для меня несносна, и ябѣ ни минуты не могѣ долѣе жить. Имѣніе мое разточено, это правда! но я не потерялѣ ничего, когда еще васѣ имѣю! вы утѣшаете меня, стараетесь сердце мое поправить, и при всемѣ томѣ хотите меня столь безжалостно предать нещастію! – Гермѣль! я еще разѣ повторяю и на собственный вашѣ разсудокѣ ссылаюсѣ; когда вы любите меня, то должна и честь моя быть вамѣ дорога – Оная требуетѣ необходимо разлуки нашей. – Нѣтѣ! до сего не попущу я васѣ... Подлинно нѣтѣ! и вы сами предпріятое мною намѣреніе подтвердите; истинной любовникѣ есть навсегда наибезкорыстнѣйшій любовницы своея другѣ! . . . Дѣло сіе касается до вашей и до моей чести,

коей ни съ той ни съ другой стороны подъ названïемъ наложницы состоять не можно, а единственно токмо подъ драгоцѣннымъ названïемъ супруги можетъ оная быть терпима!

При сихъ послѣднихъ словахъ являла она изнеможенïе силъ, и по громкомъ произнесенïи нѣсколькихъ вздоховъ впала въ обморокъ – Гермѣль бѣгая между тѣмъ взадъ и въ передъ по горницѣ, вымышлялъ средства къ возпрепятствованïю ея отъѣзда. – Здоровье жены моей слабо, говорилъ онъ: когдабъ щастïе меня отъ нее избавило, тобъ пресѣклись всѣ препятствïя. – Что вы говорите? и тогдабъ можно было? – Конечно, буду имѣть то удовольствïе, видѣть желанïя наши исполненными! – Вы хотите сдѣлать меня своею супругою? – Когда освобожусъ отъ Адельгейды, то немѣдля совокуплюсь съ вами

бракомъ;

бракомъ; смерть ея для меня хотя и не безболѣзненна будетъ, но единый взглядъ вашъ прогонитъ всю изъ сердца моего тоску, и забывая все, въ васъ единой успокоенїе мое найду! - Какъ? выбъ хотѣли меня взять въ супружество, когдабъ были свободны? ... И естъ ли въ томъ хотя малое сомнѣнїе? - Такъ согласны ли вы дать мнѣ въ томъ письменное руки своей обязательство? - Охотно; требуйте какихъ вамъ угодно клятвъ и обязательствъ - Изрядно! Гермѣль, я этимъ довольна, и вы знаете, сколь любовь моя къ вамъ безкорыстна! дайтежъ мнѣ во увѣренїе обѣщанїя вашего вексель во сто тысячь талеровъ - Сердечно жертвую вамъ всемъ, но только не иначе, какъ приду въ состоянїе удовольствовать васъ. - Вы можете и сами то видѣть, что я не теперь намѣрена возпользоваться онымъ, но токмо при неисполненїи даннаго вамъ обѣщанїя, а прїемлю един-

единственно токмо въ залогъ сердца вашего; такая любовь, какова моя, достойна равной стольже сильной любви! Ослѣпленный бѣднякъ сей исполнилъ желанїе ея: сїе увѣренїе будетъ мнѣ служить утѣшенїемъ, и надежда, совокупиться нѣкогда съ вами союзомъ, примиритъ во мнѣ любовъ мою къ вамъ. Я желаю супругѣ вашей долговременной жизни, а мнѣ будетъ покрайней мѣрѣ хотя надежда ласкать: таковая надежда приноситъ первое въ любви успокоенїе: обожая любовника, обажать буду въ немъ купно и будущаго своего супруга!

Адельгейды здоровье и въ самомъ дѣлѣ не малой подвержено было опасности. Всѣ горести свои раздѣляла она съ одною служанкою своею. Нерѣдко, орошая дѣтей своихъ слезами, принималась къ мужу своему писать письмо, но изготовивъ уже до половины, раздирала

ла опять на куски. Смерть лишь одна мечталась въ глазахъ ея, которая ей не малымъ въ страданіи утѣшеніемъ служила, и она почитала оную спасеніемъ своимъ. Въ таковыхъ размышленіяхъ приуготовлялась равнодушно къ концу своему; тогда только не находила силъ къ преодолѣнію разсудка своего, когда взирая на дѣтей своихъ, помышляла, что сіи невинныя творенія съ нею послѣдней своея въ свѣтѣ подпоры лишатся: тогда лишь оплакивала суровость судьбы и жестокосердіе мужа своего.

Соперницажъ ея между тѣмъ торжествовала съ гнуснымъ сообщникомъ своимъ надъ удачнымъ въ обманѣ своемъ успѣхомъ. Стараясь сколько возможно скрыть злобный поступокъ свой отъ проницательнаго ока правосудія, обладала уже мысленно сокровищами тѣми, кои слѣдовало получить Гермѣлю. Въ смер-

смерти нещастной Адельгейды, которую они единственно возрастающаго щастія своего препоною почитали, неоставалось уже никакого болѣе для нихъ сомнѣнія: и подлинно нѣтъ ничего на свѣтѣ, чегобъ они не отважили ко ускоренію той минуты, отъ которой все ихъ щастіе зависѣло. Гермѣль, возвратясь отъ безразсудной страсти своея опять въ себя, узналъ, къ сколь поносному поступку привлекла его наложница, и увидѣлъ сколь онъ безразсудно въ новый вступилъ союзъ, будучи еще привязанъ къ нещастной Адельгѣйдѣ. Онъ стыдился внутренно въ данномъ своемъ обѣщаніи соединиться съ другою при еще незакрытыхъ супруги глазахъ! Никакъ невозможно утушить въ насъ дѣйствія совѣсти, сего безпристрастнаго дѣлъ нашихъ судіи. Гермѣль будучи причиною всего супруги своея злощастія, чувствовалъ внутренно крайнѣе въ сердцѣ своемъ терзаніе: мыслямъ его пред-

представлялась умирающая его жена, коея преждевремянной смерти одинъ токмо онъ виновникомъ былъ, и которая не токмо неукоряла его въ томъ, но паче снисходя во всемъ, со всѣми знаками дружества и горячности объятіямъ его предавалась. Но сіе подлинно сожалительно немало, что человѣкъ преданный порокамъ осуждаетъ себя въ оныхъ самъ, и отъ того впадаетъ въ отчаяніе. Гермѣль негодуя на себя самаго, наполнялся часъ отъ часу неудовольствіемъ и сердце его лишь болѣе ожесточалось. Адельгейдъ ничего кромѣ суровости и обидъ въ возмездіе терпѣнія своего не получала; совѣсть его напоминала ему ежечасно: Адельгейдъ еще жива, а я уже другой далъ слово! возмогъ ли я только отважиться на толь гнусное и презрительное обѣщаніе? Теперь неостается мнѣ ничего болѣе, какъ ускорить ее смерть. Я одинъ причиною злощастія ея, и я

лишь

лишь одинъ лишаю дѣтей любезной матери ихъ! Но возможноль наградить имъ потерю оной? какая остается для нихъ подпора? - Отца они уже лишены давно, я то чувствую! - Что я медлю? пойду и разорву поносное свое обязательство - не могу преодолѣть себя чтобъ быть къ Адельгейдѣ безчувственнымъ во все, которую я уже и такъ любви своей лишилъ; покрайнѣй мѣрѣ добродѣтель сего требуетъ отъ меня. Но я оставилъ оную со всѣмъ и учинился теперь наинещастнѣйшимъ, жестокосердымъ и безчувственнымъ человѣкомъ. Едва лишь начинало сердце его приходить въ раскаянiе, какъ въ другъ прогоняемо было чувствiе сiе новымъ страстей возмущенiемъ. Обращая мысли свои къ Цериньянѣ, повергалъ себя паки въ пропасть поносной любви своей. Нещастная его супруга, чувствуя опасность болѣзни своея, вознамѣрилась наконецъ

нецъ изъ любви къ дѣтямъ своимъ принять лѣкарство для облегченія оной, сколь жизнь ея собственно для нее и ни была маловажна.

Вдругъ вбѣжала служанка ея въ покой, наполнена великимъ ужасомъ и съ распростертыми къ верьху руками. Она едва слово произнесть могла. Милостивый Боже! вскричала госпожа ея, что съ тобою здѣлалось, другъ мой? какую страшную вѣсть намѣрена ты мнѣ открыть? Мужъ мой? . . . что съ нимъ приключилось? . . . говори — Ахъ дражайшая госпожа! непомышляйте о семъ губителѣ вашемъ — Что ты говоришь? мой губитель? — Спасай жизнь свою, берегись прикоснуться лѣкарству сему! это ядъ — Что слышу я? — Съ немалымъ страхомъ увѣдомлю васъ о пагубномъ семъ дѣлѣ . . . . но я должна спасти вашу жизнь; берегитесь, лѣкарство сіе смѣшано съ ядомъ! — Какъ? —

конечно, Сударыня, супругъ вашъ самъ положилъ въ сосудъ сей ядъ - О Боже! что я слышу! Гермѣль, коего я столь горячо любила и теперь еще обожаю, приготовилъ самъ своими руками ядъ сей для меня! Пускай будетъ исполнена его воля! предамся равнодушно прїуготовленному мнѣ жребїю! вижу, что мнѣ онаго не избѣгнуть, сколь сердце мое объ однихъ бѣдныхъ токмо дѣтяхъ соболѣзнующее тому ни противится. По сїю самую минуту старалась я преодолѣвать гибельной рокъ сей! - Какъ? вы вознамѣряетесь умереть? - Но когда того требуетъ Гермѣль, скажи любезная Шарлотта, не должна ли я волю его исполнить? - Простите, сударыня, что на сей разъ не могу вамъ повиноваться. Признаюсь что я раба ваша и невеликимъ почитаюсь на свѣтѣ творенїемъ, но однакожъ готова слѣдовать вамъ по смерть мою, любовь моя къ вамъ

есть

есть любовь пріятельницы, и коли смѣю сказать, взаимная одной сестры къ другой: требуйте всего отъ меня, что токмо силы мои позволятъ, во всемъ удовольствовать васъ потщусь; но могуль любя госпожу свою допустить ее къ смерти? - Послушей меня, Шарлотта! ты видишь сама, что я уже къ оной осуждена, не ужели ты думаешь меня отъ погибели сей спасти, хотя оную севодни и удалишь отъ меня? Ты не чувствуешь того, колико возблагодаритъ тебѣ сердце мое за пресѣченіе горестныя сея жизни! Ты не въ силахъ удержать смерти моея; но скажи мнѣ Шарлотта, точно ли ты увѣрена о семъ мужа моего поступкѣ? - И можете ли вы еще при всѣхъ нанесенныхъ вамъ отъ него обидахъ, хотя мало сомнѣваться въ томъ? Истинна сія неоспорима. О! извергъ! неудовольствуясь тѣмъ бѣдствіемъ, въ кое васъ ввергнулъ, неустрашился учи-

нить покушенія и на жизнь вашу. Да съ точностію ли ты во всемъ увѣрена? - Я удостовѣрилась о злоумышленіи семъ отъ горнишной дѣвушки презрѣнія достойной Цериньяны. Она меня увѣдомила, что одному незнакомому человѣку препоручено было вмѣшать въ лѣкарство сіе ядъ, что чудовищемъ симъ и исполнено. - Ахъ Гермѣль! надѣялась ли я такого отъ тебя жестокосердія? ты хочешъ сократить дни жизни моея! Но по что не попущаешь усилившейся во мнѣ болѣзни свершить сего долгу? мнѣбъ и безъ того уже недолго оставалось жить! о сколь ты будешь веселъ! . . . Но по что ты плачешь, Шарлотта? ты вздыхаешь? оставь сіе, но станемъ другъ друга ободрять взаимно. Я прошу тебя оказать мнѣ послѣднюю услугу: скажи Гермѣлю, что я извѣстна о гнусномъ его поступкѣ; скажи что прощаю его во всемъ, и на все то не смотря еще его люблю.

блю. Препорочу ему бѣдныхъ дѣтей моихъ; онъ безъ сумнѣнія, удовольствуясь смертію моею, пощадитъ бѣдныхъ сихъ жестокостію своею. Дражайшая Шарлотта, ты знаешь, сколь мало заслужила я таковаго со мною поступка. Но я должна неизбѣжно покориться судьбѣ . . . Удали дѣтей моихъ, сіи нещастные горестнаго моего супружества плоды. О когдабъ я ихъ въ самомъ ужасѣ смерти забыть могла! . . . Но теперь пришло мнѣ нѣчто на умъ, я намѣрена мужу своему написать письмо; на одномъ листѣ опишу ему всѣ горести свои. Письмо сіе вручи ему тогда, когда сердце его нѣсколько успокоится - По семъ схвативъ перо начала писать дрожащею рукою, и останавливаясь неоднократно орошала письмо сіе слезами: „Я со спокойнымъ уми-
„раю духомъ, почитая смерть еди-
„нымъ ко пресѣченію всѣхъ горестей
„средствомъ; но не ужели мнѣ при-

,,нимать оную изъ рукъ супруга ,,своего? Такъ ли награждаете вы ,,любовь мою, коя не прежде какъ ,,съ жизнїю во мнѣ престанетъ? ,,Въ чемъ я предъ вами виновна? я ,,ни малѣйшею жалобою васъ неогор- ,,чала, но питалась одними токмо ,,слезами. Я, что касается до ме- ,,ня, нестрашусь ни мало смерти, ,,но дѣти ваши и вы сами причи- ,,няете лишь во мнѣ ужасъ къ оной. ,,Боже мой! кто будетъ объ сихъ ,,сиротахъ имѣть попеченїе? Не ,,Цериньяна ли ихъ матерь будетъ? ,,и станетъ ли сїя таковоежъ какъ ,,и я хранить къ вамъ почтенїе? ,,столь ли горяча будетъ любовь ея ,,къ вамъ, какъ и моя? Неблагодар- ,,ный! уже нерѣдко покушалась я ,,сама прекратить нещастные дни ,,жизни своей, естлибъ не дѣти ,,мои, не супругъ, которой столь ,,усильно смерти моей желаетъ, не ,,вѣра и не врожденное къ самоубїй- ,,ству отвращенїе меня отъ того

,,удер-

,,удерживали; но теперь я вижу, ,,что всуе съ сердцемъ своимъ боро- ,,лась. Вы приговорили меня къ ,,смерти, и я не могла избѣгнуть ,,сего толь неожидаемаго мною слу- ,,чая. Богъ правдивъ, онъ испыту- ,,етъ всѣхъ сердца: надѣюсь отъ ,,него прощенія въ грѣхѣ своемъ, ,,коимъ покусилась на жертву сію, ,,желая тѣмъ единственно при- ,,крыть гнусные ваши пороки отъ ,,правосудія непощадныхъ законовъ, ,,и чтобъ безславіе отца не пало ,,и на нещастныхъ дѣтей моихъ. ,,Когда вы получите сіе письмо, ,,тогда меня уже на свѣтѣ не бу- ,,детъ, и вы можетъ быть пожа- ,,лѣете обо мнѣ: надѣжда сія слѣ- ,,дуетъ за мною во гробъ! Открывъ ,,нѣкогда ослѣпленныя свои очи, ,,увидите, сколь велико разлучіе ,,между мною и Цериньяною. Сія ,,фурія вперила въ сердце ваше всѣ ,,пороки. Богъ да посудитъ насъ, ,,я оставлю ее терзаніямъ совѣсти

 ,,ея.

,,ея. Прости, Гермѣль! на вѣкъ
,,прости; съ жадностїю поглащаю
,,сей гибельной напитокъ. Не уже
,,ли вы и бѣдныхъ дѣтей моихъ гу-
,,бителемъ будете? сихъ невинныхъ
,,горестной любви нашей свидѣте-
,,лей? Простите мнѣ любовь мою
,,къ симъ нѣжнымъ тельцамъ за
,,мать ихъ въ жертву закалаемымъ.
,,Удержите свирѣпость свою къ
,,симъ нещастнымъ творенїямъ: сїе
,,лишь одно можетъ гнусный вашъ
,,поступокъ примирить. Они не бу-
,,дутъ вамъ напоминать имени мо-
,,его, никогда онаго изъ устъ ихъ
,,не услышите; они не знаютъ, что
,,лишаются матери чрезъ отца сво-
,,его, и будутъ васъ такъ какъ и я
,,завсегда любить: не лишите своей
,,ихъ только горячности, сїе еди-
,,ное можетъ въ смерти моей по-
,,дать отраду – И такъ я долж-
,,на разлучиться съ вами, и ту
,,цѣпь, коя насъ нѣкогда во взаим-
,,ной любви содержала, прервать
,,на

,,на вѣки! Но къ чему сїе страшное ,,воспоминанїе? я желанїе ваше ис- ,,полню - Вы никѣмъ столь лю- ,,бимы не будете, какъ я васъ лю- ,,била, и какъ теперь, и умирая отъ ,,рукъ вашихъ, все еще люблю! - ,,Еще въ послѣднее прошу васъ, по- ,,щадите бѣдныхъ дѣтей моихъ: ,,не губите ихъ за то, что нѣког- ,,да во чревѣ моемъ лежали, и мною ,,произведены на свѣтъ. Не ввѣ- ,,ряйте кровь свою чужимъ рукамъ! ,,несомнѣнная подкрѣпляетъ меня ,,въ томъ надежда.,,

Адельгейдъ.

Шарлотта приняла во сле- захъ письмо сїе отъ госпожи своей- Скрой отъ меня слезы свои и увѣрь, что непремѣнно отдать письмо сїе супругу моему, и при томъ ему скажи, что горячность моя къ не-

му не прежде, какъ съ последнею жизни моей минутою пресѣклась... Теперь подай мнѣ лѣкарство — Нѣтъ! вскричала Шарлотта, въ семъ не могу я вамъ повиноваться — Бѣдная дѣвка! по что препятствуешь моей смерти? Я должна умереть; Супругъ мой того хочетъ и я не могу избѣгнуть судьбы моей. Когда жизнь моя и безъ того уже давно несносна для меня, то чего мнѣ остается еще ожидать? Прошу тебя только, никому не открывать таковой смерти моей. Когдабъ о томъ узналъ свѣтъ, о Боже! коликому бы подверглись нещастїю виновникъ а съ онымъ купно и злополучныя мои дѣти! и тогдабъ я лежа и во гробѣ не нашла для себя успокоенїя.

Шарлотта стараясь сколько возможно удержать слезы свои, дала слово госпожѣ, хранить то вѣчно въ тайнѣ: но не думаете ли вы,

гово-

говорила она, чтобъ я и отъ мужа вашего что скрыла. Нѣтъ! хотя никогда въ злодѣйствѣ семъ его укорять и не буду, то по крайней мѣрѣ слезы мои вѣчно преслѣдовать его станутъ – Поди, другъ мой! оставь меня поспѣшить къ назначенной смерти. Но на передъ приведи ко мнѣ дѣтей и дай мнѣ ихъ облобызать еще въ послѣднее.

Послѣ сего вышла служанка въ ближайшій покой, и возвращаясь опять назадъ, несла въ одной рукѣ лѣкарство, а другою вела дѣтей, коихъ мать со слезами обнимая говорила: скоро лишитесь уже вы меня; потомъ обратясь къ служанкѣ продолжала рѣчь свою: Шарлотта! постарайся удалить ихъ отъ страшнаго сего позорища, я буду прижимать ихъ къ груди своей до того мгновенія, въ кое разсудокъ . . . . и горячность . . . Принеси мнѣ сосудъ. Шарлотта приближилась къ

гос-

госпожѣ своей съ дрожащими ногами: какъ? вы могли — Теперь не время разсуждать. Жребїй мой ожидаетъ меня. Прости! любезная Шарлотта! вотъ тебѣ перстень, онъ недорогой цѣны, я имѣла его при моемъ еще благополучїи, прими его въ память нещастной госпожи своей, а больше ничего тебѣ дать не могу. Боже всесильный! отъ коего всемогущей десницы жизнь наша зависитъ, пощади дерзновенїе мое, что лишаю себя оной противу святой твоей воли! — неотрини жертвы сея! —

По семъ выхватила Адельгейдъ изъ рукъ служанки своей сосудъ, коя по довольномъ сопротивленїи почти въ бесилїи упала на землю. Нещастная мать облобызавъ еще въ послѣднее дѣтей своихъ, удалила ихъ отъ себя; по семъ возвысивъ очи свои на небо, приложила сосудъ къ устамъ.

Удер-

Удержитесь! кричалъ въ изступленіи ворвавшійся въ горницу Гермѣль, отдайте мнѣ сосудъ сей! - Гермѣль! это вы, которой мнѣ препятствуетъ? . . . Онъ выхвативъ изъ рукъ ея чашу, бросилъ оную съ ужаснѣйшимъ огорченіемъ на землю. Шарлотта пришедъ опять въ себя говорила: я сумнѣвалась сударь! чтобъ вы столь жестокосерды были. . . . Но Гермѣль не слушая ее бросился въ объятія своей супруги, которая почти въ безчувствіи лежала. Не ужели могли вы ожидать сего отъ меня, чтобъ я лишилъ васъ и жизни, когда лишилъ любви? Великодушнаа супруга! возпримите паки сердце терзаемое раскаяніемъ и посрамленіемъ. Я спровѣдалъ обо всемъ; не я, но чудовище ослѣпившее мой разумъ пріуготовило вамъ пагубу сію.

Между тѣмъ Адельгейдъ мало по малу опять въ себя пришла. Шар-

Шарлотта вручила Гермелю письмо госпожи своей, которой неизреченно возхищаясь добродушием ея, со всею горячностию лобызал свою супругу – Я мог забыть долг, истребить честь; но чтоб зделаться убийцею твоим, на таковое предприятие сердце мое безотважно! – О Боже! сколь далеко могущество твое простирается! без промысла твоего лишилсяб я толь достойной жены; ты единый не допустил ее к концу, чтоб оправдать мою невинность . . . О гнусная Церриньян! ты не уйдешь от мщения моего . . . Безутешной предавшись горести, был почти вне себя; проливая наичувствительнейшие слезы и обнимая детей своих, едва говорить мог. Вы невинныя! лишились бы любезной матери, и я бы зделался ее убийцею? Теперь я вижу, колико гнусныя создания сии владычествовали ослепленным моим сердцем, учинив

нивъ наконецъ, къ дополненію злохищреній своихъ, покушеніе и на жизнь Адельгейды! При сихъ словахъ наполнялось сердце его яростію. По семъ успокоясь нѣсколько, началъ расказывать, какимъ образомъ онъ о семъ страшномъ замыслѣ спровѣдалъ.

Служанка Церинъяны, коя сънача думала, что и Гермѣль въ предпріятіи семъ сообщникомъ былъ, спровѣдавъ наконецъ, что токмо госпожа ея и Блинваль участвовали въ томъ, немѣдля увѣдомила его о предстоящей супругѣ его опасности.

Между тѣмъ какъ Гермѣль расказывая упоминалъ о сей служанкѣ, вошла она и сама въ горницу, хотя узнать объ успѣхѣ въ открытіи своемъ - Вы не обо всѣмъ еще свѣдомы, Государь мой! говорила она. Причина поноснаго предпріятія

стія сего отъ васъ скрыта. Госпожа моя знала, что супруга ваша богатаго въ Америкѣ сродника имѣетъ. Гермѣлева супруга подтвердила сіи слова, и служанка продолжала рѣчь свою, но Адельгейда пресѣкла оную, говоря къ мужу своему: Имѣніе сіе, кое мнѣ даруетъ небо, да будетъ вашимъ, а для меня довольно и сего богатства, когда получаю сердце и любовь вашу. Чемъ могу возблагодарить я вамъ за толикія милости? Для васъ только и для дѣтей моихъ желаю я богатства сего, и только для того, чтобъ тѣмъ истребить изъ мыслей вашихъ всѣ причиненныя мною вамъ горести – Но хищники сіи должны достойное за злоумышленіе свое понести наказаніе.

Гермѣль не говоря болѣе ни слова съ поспѣшностію пошелъ въ домъ Цериньяны, которая уже въ готовности была съ притворствомъ

вомъ оплакивать смерть Адельгейды, не полагая ни малѣйшаго въ оной сомнѣнія. - Въ какомъ вижу васъ смущенїи, Гермѣль? какую вѣсть вы скажете мнѣ? не въ опасности ли супруга ваша? - Такъ! чудовище! конечно недалеко была она отъ оной, имѣя уже смерть предъ глазами своими: но однакожъ Богъ не попустилъ ее умереть и учиниться жертвою твоею. Терзайся теперь надъ неудачею въ злодѣйствѣ своемъ. Мнѣ извѣстны всѣ твои коварства, и знаю до чего возпользовалась ты легковѣрностїю моею, думая все имѣнїе мое присвоить себѣ: но мзда гнусныхъ дѣлъ твоихъ уже готова предстоитъ тебѣ! При сихъ словахъ вошелъ Блинваль въ горницу - И ты раздѣлишь съ нею мзду сїю, измѣнникъ! я иду въ судъ, имѣю доказательства, свидѣтелей; страшитесь, презрѣнныя! нѣтъ никакой жалости для васъ! Сердце мое на всегда къ вамъ ожесточено:

вы губители онаго. Вѣдайте, что неостанетесь безъ наказанія. - Сіи стояли неподвижно всѣхъ чувствъ почти лишенны, слыша толь правдивыя для сердца своего укоры. Блинваль ссылался на прежнее свое дружество - Гнусный! и ты еще мнѣ дерзаешь напоминать объ ономъ? Ты, которой грудь мою пронзилъ! ты, которой всѣ чувства добродѣтели и чести во мнѣ истребилъ! ты, которой хотѣлъ погубить жену, коя бы отъ твоихъ рукъ умирая, меня своимъ убійцею почла! Ты достоинъ, чтобъ я тебя теперь же поразилъ.... Но нѣтъ! не хочу осквернять руки своей въ толь скаредной крови; пускай палачь сей долгъ свершитъ. Я донесу въ судѣ обо всѣхъ твоихъ услугахъ и благодѣяніяхъ ко мнѣ, за кои тамъ получишь мзду свою. Теперь же пойду исполнить намѣреніе свое...

При таковомъ предпріятіи вошла супруга его Шарлоттою поддер-

держиваемая. - Куда вы намѣрены итти, любезный мужъ? говорила она, останьтесь здѣсь! я предвидѣла уже напередъ замыселъ вашь. Прошу васъ явить ко мнѣ любовь свою, въ коей вы мнѣ сего дня новую дали клятву - И вы здѣсь, Адельгейдъ, между сими чудовищами, кои вашей пагубы искали? Чего вы требуете, сударыня? - Я не требую ничего, но прошу вашей лишь милости. Мнѣ извѣстны довольно виновники злополучїя моего; ихъ замыселъ простирался еще и далѣе: не довольно, что хотѣли лишить меня жизни, но что еще болѣе, и самаго сердца вашего. Сего наказанїя для нихъ довольно, что вы противу чаянїя и желанїй ихъ возвратились къ добродѣтели; повѣрьте, что каждый порокъ имѣетъ наказанїе въ себѣ самомъ.

По окончанїи сихъ Адельгейдою словъ, Церіньяна и Блинваль

пали къ ея ногамъ, и орошая оныя слезами, просили о умилостивленіи ея супруга, которой безпощадно правосудію предать ихъ хотѣлъ. Адельгейдъ говорила къ нимъ: клятвы и слезы ваши для меня не вѣроятны; не малое бы то для васъ благополучіе было, когдабъ вы могли ощущать раскаяніе. Но я ужъ болѣе не предамся обману вашему, а въ протчемъ обѣщаюсь освободить васъ отъ наказанія, Гермѣль мнѣ въ томъ не откажетъ.

Гермѣлъ и не отрекся исполнить воли ея, послѣ сего вышли они изъ презрѣннаго сего мѣста. Онъ возпринялъ новую жизнь, и поправивъ сердце свое учинился добродушнымъ отцемъ, любезнымъ супругомъ и полезнымъ гражданиномъ. Съ каждымъ днемъ возрастала любовь его къ женѣ и дѣтямъ. Спустя нѣсколько дней получили они ожидаемое изъ Америки наслѣдство,

коимъ

коимъ Гермѣль весьма разумно располагалъ, поставляя все щастїе свое въ воспомоществованїи бѣднымъ. Адельгейдъ возпитала дѣтей своихъ къ добродѣтели; а Цериньянъ впавъ въ крайнюю бѣдность, скончала жизнь свою отъ великаго совѣсти угрызенїя. Блинваль же не раскаяваяся въ гнусной своей жизни, удалился въ Ишпанїю, гдѣ по обличенномъ воровствѣ публично казненъ былъ. А супруги сїи наслаждаясь всѣми прїятствами добродѣтели, достигли до глубокой старости, и при непрерывной другъ къ другу любьви скончали жизнь свою почти въ одно время. Дѣти ихъ возрастали имъ подобно во всемъ, наслѣдуя отъ нихъ щастїе и глубокую старость. Память первыхъ и въ позднѣйшїе потомки не безъпочтительна была.

КОНЕЦЪ.

41